

III.

ГОРЕ ПОБѢДИТЕЛЯМЪ!

(„Русская Рѣчь“, 1879, янв. и февр.) *).

Слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, вождь Галловъ Бреннъ, кладя свой мечъ на вѣсы, на которыхъ взвѣшивалась дань, уплачиваемая побѣжденнымъ Римомъ, воскликнулъ: горе побѣжденнымъ! Самъ-ли полумифическій вождь Галловъ произнесъ эти слова, или только вложилъ ихъ ему въ уста римскій историкъ, изрѣченіе это обратилось въ общую поговорку, въ пословицу,—подобно всѣмъ поговоркамъ и пословицамъ, выражающую мысль ясную, простую, несомнѣнно истинную и въ своей краткости и простотѣ не требующую никакихъ комментаріевъ.

Но вотъ, двадцать три вѣка спустя послѣ знаменитаго Галла, намъ, русскимъ, приходится воскликнуть діаметрально противоположно: *горе побѣдителямъ!* Изрѣченіе парадоксальное, звучащее нелѣпо—въ родѣ свѣтлой тьмы или громкаго молчанія, и которое поэтому едва ли получить такое общее примѣненіе, такое общее гражданство, какъ слово Бренна, но которое тѣмъ не менѣе, въ примѣненіи къ нашей недавно оконченной, славной и побѣдоносной войнѣ, выражаетъ собою фактъ столь-же несомнѣнный, какъ и древнее общепримѣнимое восклицаніе. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ одной изъ самыхъ полныхъ и рѣшительныхъ побѣдъ, обратившихъ въ ничто всю силу противника, вмѣсто торжества и упоенія славы—всеобщее уныніе, чувство глубокаго униженія, краска стыда на

*) Въ „Русской Рѣчи“ статья эта была озаглавлена «Россія и Восточный вопросъ» и все начало, до новой строчки: *Въ прошломъ году*, было опущено.

лицѣ, слезы оскорбленной народной чести и поруганнаго достоинства. Потоки крови, мученія раненныхъ, истязуемыхъ варварами на поляхъ битвы, десятки тысячъ погибшихъ отъ непріятельскаго оружія, можетъ быть сотни тысячъ умершихъ отъ болѣзней, сотни миллионовъ рублей народнаго достоянія, невѣроятные подвиги терпѣнія, мужества, отваги войскъ, военнаго искусства полководцевъ,—все это потеряно и принесено въ жертву ради того, чтобы болѣшую и, какъ говорятъ очевидцы, лучшую часть многострадальнаго болгарскаго народа, уже было освобожденнаго, снова предать во власть его вѣковыхъ мучителей, ради того, чтобы закабалить благородныхъ Черногорцевъ, Сербовъ, Босняковъ, Герцеговинцевъ игу Австріи, ради того, чтобы утвердить на болѣе прочныхъ основаніяхъ пошатнувшуюся-было власть и вліяніе Англіи на берегахъ Архипелага, Мраморнаго моря, Босфора и Дарданеллъ.

Если-бы черезъ столѣтія сохранились о нашемъ времени извѣстія, столь скудныя, какъ, напримѣръ, тѣ, которыя мы имѣемъ о нѣкоторыхъ періодахъ Римской Имперіи, и потомству остались-бы лишь акты Санъ-Стефанскаго договора и Берлинскаго конгресса, по которымъ остроумію и проникательности историковъ предстояло-бы возстановить ходъ событій, завершенныхъ этими документами, не должны-ли они были-бы предположить, что въ первое полугодіе 1878 года свирѣпствовала жестокая война, окончившаяся полнымъ пораженіемъ Россіи и принудившая ее отказаться отъ всѣхъ успѣховъ, приобрѣтенныхъ ею въ войну 1877 года? Но происшедшее на самомъ дѣлѣ гораздо хуже такого предположенія этихъ гипотетическихъ историковъ. Военная неудача бываетъ часто результатомъ непредвидѣнныхъ случайностей. Отступленіе же передъ одною угрозою, и угрозою враговъ, въ сущности очень мало опасныхъ, какъ Англія и Австрія, не свидѣтельствуетъ ли о сознаніи безсилія государства, все равно, основано ли это сознаніе на дѣйствительномъ положеніи вещей, или только на ложномъ представленіи о немъ? Послѣднее, пожалуй, даже хуже перваго, ибо указываетъ не на матеріальную немощь, которая болѣе или менѣе исправима, а на расслабленіе и немощь духовную.

Въ прошломъ году, при началѣ турецкой войны, многіе надѣялись, что она поведетъ къ окончательному рѣшенію Восточнаго вопроса. Такой надежды мы не раздѣляли и вотъ что говорили по этому поводу (см. выше, стр. 31. 2-го авг. 1877 г.): „Настоящая война, сколько бы она ни была успѣшна, разрѣшитъ Восточнаго во-

проса не можетъ. Разрѣшить его цѣлый періодъ борьбы не противъ Турціи только... Настоящая война есть только первый шагъ къ этому рѣшенію... и все дѣло въ томъ, чтобы шагъ былъ сдѣланъ правильный, дѣйствительно поступательный, облегчающій въ будущемъ и приближающій рѣшеніе этой всемірно-исторической задачи, которой дано названіе Восточнаго вопроса“. Для этого намъ предстояло достигнуть войной: разрушенія всѣхъ преградъ, какъ нравственныхъ, такъ и матеріальныхъ, раздѣляющихъ сѣверо-восточное славянство, т. е. Россію,—отъ славянства юго-восточнаго и отъ всѣхъ православныхъ народовъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ.

И всѣ преграды были разрушены штыками русскихъ солдатъ,—и снова восстановлены, а нѣкоторые даже усилены и вновь созданы перьями русскихъ дипломатовъ. Отрицательные результаты, достигнутые русскою политикою, многимъ превзошли положительные, достигнутые русскимъ военнымъ искусствомъ и русскою военною доблестью! Странно и нелѣпо звучащій парадоксъ: *горе побѣдителямъ!* сдумѣла она обратитъ въ грустный, но несомнѣнный фактъ.

О восстановленіи и усиленіи преградъ матеріальныхъ, укрѣпленіи Балканскихъ горныхъ проходовъ, опека Англіи надъ Турціей и проч.—мы не будемъ говорить. Это всѣмъ слишкомъ хорошо извѣстно. Но считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о восстановленіи, усиленіи и возникновеніи новыхъ преградъ нравственныхъ. Станемъ для этого на мѣсто болгаръ, сербовъ, черногорцевъ, герцеговинцевъ, босняковъ, и постараемся уяснить себѣ тѣ чувства и мысли, которыя должны у нихъ возникнуть о Россіи и объ отношеніи ихъ къ ней. „Россія принесла для насъ дѣйствительно огромныя жертвы“,—должны сказать они себѣ,—и сокрушила Турцію. Но какъ только вмѣсто Турціи вступили на сцену настоящіе враги славянства, въ рукахъ которыхъ Турція была только орудіемъ нашего угнетенія,—то есть Европа и преимущественно Англія и Австрія,—Россія отступила, потому ли, что считаетъ себя безсильною для борьбы съ врагомъ болѣе могучимъ, чѣмъ Турція, или потому, что предпочитаетъ такъ называемые европейскіе интересы нашей свободѣ, нашей національной самобытности. Но почему же“,—должны они разсуждать далѣе,—такъ враждебна къ намъ Европа? Не потому ли, что мы единоплеменны и единновѣрны съ Россіей? Европа страшится увеличенія могущества и силы Россіи нашею силою, правда, только еще зарождаю-

щеюся, но со временемъ могущею, въ союзѣ съ Россією, сдѣлаться весьма значительною, въ особенности, при томъ географическомъ положеніи, которое мы занимаемъ. Но въ нашемъ ли положеніи мечтать о политической силѣ, о славномъ историческомъ будущемъ въ союзѣ съ Россією, когда, съ одной стороны, она — могучая, сильная (такою, по крайней мѣрѣ, мы до сихъ поръ ее считали) — сама отъ насъ отрывается, а съ другой — когда еще самыя элементарныя человѣческія права за нами не обезпечены? При такихъ обстоятельствахъ, не разумнѣе ли намъ примкнуть къ Англіи и къ Австріи, которыя въ ближайшемъ будущемъ будутъ господствовать надъ нами, первая — подъ маской Турціи въ южной Болгаріи, названной Восточной Румеліей, во Фракіи и Македоніи, вторая — непосредственно въ западной части полуострова. Не приглашаетъ ли насъ къ этому сама Россія, подавая сербамъ и черногорцамъ совѣтъ — сойтись и стовориться съ Австріей? Не быть же намъ *plus russes que les Russes eux mêmes*“. Мудрено ли послѣ этого, что высказанныя въ отвѣтъ нашей дипломатіи на критику Санъ-Стефанскаго договора въ извѣстной запискѣ лорда Салисбюри предсказанія о неблагодарности болгаръ, имѣющей возникнуть по примѣру неблагодарности Румынъ, дѣйствительно оправдаются? Благодаренія, оказанныя на половину, обманывающія надежды, возбужденныя самыми благодѣтелями и начавшія даже осуществляться, никогда не рождаютъ благодарности. Это всѣмъ извѣстная психологическая истина.

Подобнаго рода мысли, столь естественныя и благоразумныя со стороны славянъ Балканскаго полуострова, потому только — мы на это твердо надѣемся — окажутся ложными, что ненависть и злоба — слѣпы. Въ южной Болгаріи, турки, подстрекаемые и научаемые англичанами, будутъ потворствовать какъ турецкому насилию, такъ и честолюбивымъ притязаніямъ эллинизма, и тѣмъ усилятъ ея стремленіе къ соединенію съ сѣверными братьями. Въ западной части Балканскаго полуострова, австрійская политика, руководимая мадьярскими стремленіями, сдѣлается столь же ненавистной для своихъ новыхъ вассалловъ, сколько она ненавистна для непосредственныхъ славянскихъ подданныхъ Австріи. Какая странная, жестокая надежда: интересы славянства основаны на обдѣствіи несчастныхъ славянъ! И однако, другой надежды нѣтъ. Такова жестокая иронія судьбы.

Что бы, впрочемъ, ни сказало будущее, какимъ бы путемъ ни

исправило оно сдѣланныхъ теперь ошибокъ — остается несомнѣннымъ, что между Россіей и славянствомъ воздвигнуты новыя нравственныя переграды нашею побѣдоносною войною, предпринятою для освобожденія славянства.

Со стороны Румыніи, матеріальная преграда, раздѣляющая насъ отъ будущаго Болгарскаго княжества, не уничтожена, потому что Дунайская дельта присоединяется къ Румыніи, которая даже увеличивается тѣмъ, что Добруджа передается въ ея же владѣніе. Въ сердцахъ же румынскаго народа, — точнѣе, впрочемъ, будетъ сказать: въ заправляющей имъ интеллигенціи, — воздвигнута могущественная нравственная преграда возвращеніемъ, отошедшей отъ Россіи, части Бессарабіи. Мы уже прежде высказали наше мнѣніе объ этомъ предметѣ. Настойчивость дипломатовъ на этомъ ничтожномъ пунктѣ, когда они сочли возможнымъ поступиться самыми жизненными, существенными условіями Санъ-Стефанскаго договора, можемъ мы себѣ объяснить только желаніемъ добиться полной отмены Парижскаго трактата, поскольку онъ непосредственно касался Россіи. Желаніе вполнѣ законное и справедливое, требуемое честью и достоинствомъ Россіи, но только при томъ условіи, чтобы трактатъ этотъ не былъ замѣненъ своимъ близнецомъ по внутреннему смыслу и духу, актомъ Берлинскаго конгресса, и чтобы послѣдняя лезть не была горще первой. Оскорбительная сущность Парижскаго трактата заключалась не въ той или другой статьѣ его, болѣе или менѣе неблагоприятной Россіи, а въ томъ, что онъ связывалъ руки Россіи, ставилъ ее подъ оскорбительный контроль, подъ опеку Европы, лишалъ свободы дѣйствій на Востокѣ. Образъ дѣйствій Турціи и послѣдовавшая за тѣмъ война разорвали надѣтыя на насъ путы. Не налагаемъ ли мы ихъ на себя вновь? Берлинскимъ конгрессомъ? Изъ-за чего послѣ этого таѣ хлопотать объ отошедшемъ отъ насъ, двадцать два года тому назадъ, кусочкѣ земли! Если бы это возвращеніе не было сопряжено съ значительнымъ для насъ вредомъ, то, можно смѣло сказать, конгрессъ никогда бы на него не согласился. Вредъ этотъ состоитъ въ томъ, что нашъ естественный и необходимый для насъ союзникъ отстраняется отъ насъ и будетъ всегда готовъ принять сторону нашихъ враговъ. Здѣсь повторяется та же исторія, которая происходила на Вѣнскомъ конгрессѣ съ Польшею. Присоединенію ея къ Россіи, въ видѣ самостоятельнаго царства, противились до тѣхъ поръ, пока прусскіе

уполномоченные, ближе знакомые съ русско-польскимъ дѣломъ и съ сущностью тогдашнихъ русскихъ политическихъ воззрѣній, не разъяснили прочимъ членамъ конгресса, что присоединеніе Царства Польскаго къ Россіи съ сохраненіемъ его самобытности есть величайшій для Россіи вредъ, — что событія и не замедлили оправдать. Относительно Бессарабіи дѣло было понято скорѣе, и, какъ кажется, не потребовало ни съ чьей стороны особыхъ разъясненій.

Если, такимъ образомъ, отношенія славянъ и румынъ къ Россіи, возникшія и имѣющія еще возникнуть, какъ послѣдствія вѣденной нами освободительной войны, представляются въ неутѣшительномъ видѣ, то въ еще худшемъ свѣтѣ являются, по видимому, наши отношенія къ грекамъ, которые сдѣлались прямо намъ враждебны и открыто-было перешли на сторону кореннаго нашего врага—Англіи, до готовности вести вмѣстѣ съ нею противъ насъ войну.*) Но сдѣланныя нами въ этомъ отношеніи ошибки, по счастью, исправлены англійскою политикою; выраженная нами надежда, что ненависть и злоба не допустятъ развиваться всѣмъ вреднымъ для насъ послѣдствіямъ, начала уже осуществляться.

Но такъ или иначе, а печальное дѣло совершилось. Надежды Россіи и Славянства еще разъ обмануты по ея собственной винѣ. Дѣло теперь, на нѣкоторое время по крайней мѣрѣ, кажется непоправимымъ. Вмѣсто ожидавшагося облегченія, задача Восточнаго вопроса еще болѣе затруднилась. Мы находимся въ положеніи Тарквинія передъ Кумской Савиллою. Она подносила ему девять таинственныхъ книгъ, заключавшихъ въ себѣ предсказанія о судьбѣ Рима, и обладаніе которыми необ-

*) Моглобы казаться, что съ нашей стороны сдѣлана большая ошибка тѣмъ, что мы не побудили Грецію объявить войну Турціи, хотя-бы одновременно съ Сербами, послѣ паденія Плевненской арміи, дабы дать намъ этимъ предлогъ выговорить при заключеніи мира присоединеніе къ ней Тессаліи, Эпира и Крита. Но такой упрекъ едва-ли бы былъ справедливъ. Такое присоединеніе только увеличило-бы притязанія Греціи. Греки со своею «великою идеею» и эллинизмомъ принадлежатъ къ числу тѣхъ маленькихъ честолюбивыхъ народовъ, съ которыми, по странному вѣщью судьбы, все приходится имѣть дѣло Россіи; подобно Полякамъ и Мадырамъ, они добиваются не свободы и своего права, а власти надъ другими народами, болѣе ихъ многочисленными, которыхъ они почему-то считаютъ ниже себя, чтобы питаться ихъ соками и основывать на ихъ угнетеніи свое искусственное величіе. Я уже сравнивалъ ихъ съ лягушкою басни, надувающеюся въ быка. Россія не можетъ быть другомъ такихъ народовъ. Чернов. рукоп.

ходимо для совершенія этихъ судебъ. Но цѣна, за нихъ просимая, казалась слишкомъ высокою. Савилла сожгла три книги и потомъ еще три, требуя за остальные все ту же цѣну. Такъ и Россія отъ времени до времени призывается къ рѣшенію роковаго Восточнаго вопроса, заключающаго въ себѣ узелъ судебъ ея, — но и она, подобно Тарквинію, отступаетъ передъ, кажущеюся ей, чрезмѣрною требуемой отъ нея цѣны. Цѣна же все возрастаетъ и возрастаетъ. Но, наконецъ, все-таки придется ее заплатить, заплатить подъ страхомъ собиранія и въ огонь вметанія, какъ собирается и въ огонь вметается въ день историческаго суда все, что не исполнило своего назначенія. День же этотъ приходитъ, какъ тать въ нощи, какъ пришелъ споръ о Вилеемскихъ ключахъ между греческими и латинскими монахами, какъ пришло ничтожное, ни кѣмъ не замѣченное при своемъ появленіи, герцеговинское возстаніе. Слѣдовательно, нужно бодрствовать и быть готовыми, ибо не вѣдаемъ ни дня ни часа, когда вновь прозвучитъ призывъ исторіи. А чтобы быть готовыми, нужно понять причины, почему мы на этотъ разъ оказались столь неготовыми, что благопріятное рѣшеніе выпало изъ нашихъ рукъ, уже было крѣпко схватившихъ его. Тутъ виноваты уже не плохія ружья, не плутни поставщиковъ, не дурное устройство интендантства и санитарной части. Не смотря на все это, наши геройскія войска блистательно исполнили свое дѣло, — не за нами оказалась неустойка, обратившая торжество побѣды въ горечь пораженія.

Ближайшія причины нашей неудачи — у всѣхъ передъ глазами, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстны и ясны. Поэтому, мы ограничимся только сгруппированіемъ ихъ и представленіемъ въ систематическомъ порядкѣ. Причины эти подводятся подъ слѣдующія четыре категоріи: 1) недостаточность и неудовлетворительность самихъ условій Санъ-Стефанскаго договора и въ особенности того перемирія, которое было заключено подъ стѣнами Константинополя. 2) Неточность и неопредѣленность тѣхъ условій, которыя были предписаны Туркамъ, такъ что исполненіе ихъ ничѣмъ не было обезпечено и предоставлялось, собственно говоря, полному произволу Турокъ. 3) Необезпеченность, неогражденіе выполненія этихъ условій отъ посторонняго враждебнаго вмѣшательства, и, наконецъ, едва ли не самая важная причина 4) формулированіе этихъ условій въ видѣ прелиминарнаго договора.

Недостаточность и неудовлетворительность перемирія и са-

мага мира была двоякая: во-первыхъ, законныя и справедливыя желанія покровительствуемыхъ и освобождаемыхъ славянскихъ друзей и союзниковъ нашихъ оставались неудовлетворенными, въ угоду незаконныхъ и нелѣпныхъ притязаній Австріи, а частью и Греціи. Болгарія лишалась Солуни и вообще значительной части болгарской Македоніи; Сербія—Пристины и большей части Старой Сербіи; Черногорія Скутари, Требинье, и вообще должныхъ границъ на сѣверѣ, югѣ и востокѣ. Оба послѣднія княжества не должны были соприкасаться, въ виду дикаго австрійскаго требованія, чтобы оставленъ былъ промежутокъ для проведенія желѣзной дороги къ Эгейскому морю, какъ будто желѣзныя дороги возможно проводить только по турецкой землѣ. Во-вторыхъ, Россія не получала должнаго вознагражденія за свои жертвы. Такимъ вознагражденіемъ можно бы считать только уступку Россіи турецкаго броненоснаго флота и присоединеніе Эрзерума, ибо этимъ достигалось бы утвержденіе полного и неоспоримаго вліянія нашего на Турцію.

Уступка Россіи броненоснаго флота, доставляя ей разомъ сильное морское положеніе, прежде чѣмъ Англія успѣла бы собрать достаточную силу, давала средство занять проливы не только съ европейской стороны, но также съ азіатской и съ моря. Присоединеніе же Эрзерума выказало бы свое дѣйствіе постепенно, мало по малу. Въ самомъ дѣлѣ, изъ нашихъ малоазіатскихъ приобрѣтеній, Батумъ, какъ хорошій портъ, доставляетъ только торговыя выгоды, Карсъ имѣетъ лишь оборонительное значеніе, обезпечивающее Закавказскій край. Напротивъ того, Эрзерумъ занимаетъ центральное господствующее положеніе надъ сообщеніями Анатоліи, Курдистана, Месопотаміи и Сиріи, составляющихъ основу турецкаго могущества. Владѣя имъ, мы могли бы спокойно смотрѣть на всѣ англійскія затѣи, какъ напримѣръ обезпеченіе за собою Эвфратской долины и проведеніе стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ отъ береговъ Босфора къ Персидскому заливу. Изъ Эрзерума наше давленіе на Турцію могло бы быть столь сильно, что его не могло бы перевѣсить враждебное намъ вліяніе въ самомъ Константинополѣ.

Если вникнуть въ условія Санъ-Стефанскаго договора, то не трудно замѣтить, что руководящею мыслію его былъ раздѣлъ Турціи,—первая наброска этого раздѣла, имѣвшая въ виду не столько раздѣлъ ея территоріи, сколько раздѣлъ вліяній. Берега Эгейскаго и Мраморнаго морей, проливы и окрестности Константино-

доля предоставлялись вліянію Англіи (какъ это видно изъ уступки Салоникъ и незанятія Галлиполи) подъ сильнымъ, конечно, контролемъ Россіи, черезъ посредство Забалканской Болгаріи. Западъ полуострова предоставлялся Австріи, какъ то видно не только изъ предоставленныхъ ей Босніи и Герцеговины, но и изъ промежутка, оставленнаго между Сербіей и Черногоріей, также изъ того, что Пристина и Митровица не отдавались Сербіи. Русскому вліянію должна была подлежать восточная половина полуострова—вассальная Болгарія. Этимъ надѣялись удовлетворить желаніямъ нашихъ противниковъ. Но Англіи и Австріи показалась доля, имъ предоставленная, недостаточною; первой въ особенности не нравился сильный контроль Россіи. Берлинскій конгрессъ, собственно говоря, стоитъ потому на той же точкѣ зрѣнія; онъ только умаляетъ до ничтожества долю вліянія Россіи, а недоброжелательство Румыніи, нами же вызванное, еще болѣе содѣйствуетъ этому умаленію, почему европейскія державы и отнеслись такъ благосклонно къ возвращенію Россіи части Бессарабіи.

Но раздѣлъ Турціи составляетъ комбинацію, которой Россіи слѣдовало бы наиболѣе противиться, такъ какъ онъ совершенно противорѣчитъ интересамъ ея и Славянства. Существенная причина, которая могла и должна была удержать Россію отъ окончательнаго завладѣнія Константинополемъ и проливами, заключалась именно въ томъ, чтобъ не подать сигнала къ этому раздѣлу; но раздѣлъ безъ Константинополя и проливовъ, конечно, еще гораздо хуже. И справедливость, и выгоды Россіи требовали, чтобы Болгары, Сербы, Черногорцы были вполне самостоятельны и со временемъ, вмѣстѣ съ Греками, сдѣлались полноправными наследниками тѣхъ земель, на которыхъ они были порабощены нашествіемъ дикой турецкой орды; чтобы всѣ они добровольно подчинялись естественному вліянію одной только Россіи,—вліянію, основанному на единоплеменности, единовѣріи, на предшествовавшемъ ходѣ исторіи, на жертвахъ, принесенныхъ Россіею для ихъ освобожденія, и на взаимныхъ здраво понятыхъ выгодахъ.

Раздѣлъ Турціи, по отношенію къ Россіи, совсѣмъ не то, чѣмъ былъ раздѣлъ Польши. Этимъ послѣднимъ Россія получала почти все свое достояніе (за исключеніемъ лишь восточной Галиціи). Оставшаяся за тѣмъ часть составляла враждебный Россіи элементъ, который нейтрализовался раздѣломъ между Пруссіей и Австріей. Такая комбинація была даже выгоднѣе послѣдующаго

присоединенія Царства Польскаго къ Россіи. Въ Турціи, напротивъ того, Россія, съ одной стороны, не имѣетъ своего исконнаго достоянія, на которое могла бы имѣть законное притязаніе, но взамѣнъ того имѣетъ дружественныя народности, самобытности и благоденствію которыхъ она должна содѣйствовать; съ другой же стороны, враждебный Россіи остатокъ, при достиженіи перваго условія, долженъ бы былъ самъ собою подчиниться ея исключительному вліянію. Это безраздѣльное вліяніе имѣло бы ту важность, что предоставляло бы Россіи свободный входъ и выходъ въ Черное и изъ Чернаго моря.

Неопредѣленностью и неточностью условій перемирія, не назначавшаго срока, и при томъ возможно кратчайшаго—не выше двухъ, много трехъ недѣль — для сдачи крѣпостей въ Болгаріи и Малой Азіи и дозволившаго гарнизонамъ ихъ свободно возвратиться въ Турцію,—мы сами увеличили силу ея сопротивленія и дали Англіи и Австріи немаловажную точку опоры въ ихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ противъ насъ. Кромѣ того, этимъ мы дали Турціи возможность, такъ сказать, дважды продавать намъ одну и ту же вещь. Очищеніе крѣпостей было цѣною, за которую ей былъ дарованъ миръ, избавившій ее отъ занятія столицы; и затѣмъ Турція стала требовать новыхъ льготъ, напримѣръ, удаленія русскихъ войскъ на извѣстное разстояніе отъ Константинополя, за то же самое очищеніе крѣпостей.

Но всѣ эти ошибки и упущенія теряютъ свое значеніе передъ двумя капитальными, по моему мнѣнію, ошибками, къ нѣскольکو подробнѣйшему разсмотрѣнію которыхъ я теперь и приступаю. Я разумѣю упущеніе занятія Галлипольскаго перешейка и Босфора—съ согласія ли Турціи, какъ одно изъ условій перемирія, или и безъ онаго, силою,—и заключеніе прелиминарнаго мирнаго договора. Оба эти факта, въ ихъ совокупности и взаимодѣйствіи, составили всю силу нашихъ враговъ и настоящую причину всѣхъ послѣдовавшихъ нашихъ неудачъ. Говоря о важности сдѣланнаго нами упущенія незанятіемъ своевременно проливовъ, я повторяю только всѣмъ извѣстное. Но при этомъ я желаю обратить вниманіе на то, что и эта коренная ошибка приобрѣла всю свою пагубную силу только отъ заключенія прелиминарнаго мира, и, наоборотъ, что заключеніе прелиминарнаго мира могло оказать все свое вредное вліяніе только при незавладѣніи проливами.

Ходъ событій, обратившій Россію изъ грозной рѣшительницы

участи Оттоманской имперіи, изъ державы, державшей въ своихъ рукахъ судьбы Востока, обаяніе которой, казалось, должно было утвердиться не только на берегахъ Босфора, но и на берегахъ Инда, Ганга и Ирравади, — въ скромную участницу Берлинскаго конгресса, принужденную довольствоваться тѣми крохами, которыя соблаговолятъ удѣлить ей Англія и Австрія отъ роскошной трапезы, ея же руками приготовленной, — повидимому, свидѣтельству о грозной силѣ Англіи. Ей стоило только проснуться и развернуть свой флагъ, чтобы спугнуть двуглаваго орла, заставить его бросить ту добычу, которую онъ уже держалъ въ своихъ когтяхъ. Между тѣмъ, въ сущности, сила Англіи есть одно напускное марево, фантасмагорія, нѣчто въ родѣ намалеванныхъ драконовъ, которыми китайцы пугаютъ или пугали своихъ враговъ, призракъ, основанный на одномъ предразсудкѣ, на привычкѣ, перешедшей изъ тѣхъ временъ, когда европейскія арміи считались десятками тысячъ, и англійскій вспомогательный корпусъ, всегда отлично снаряженный, могъ оказывать довольно рѣшительное влияние на ходъ кампаній. Въ особенности по отношенію къ континентальнѣйшему изъ всѣхъ государствъ, Россіи, сила Англіи почти совершенно равняется нулю. Но какъ всякому нулю, такъ и силѣ Англіи, можно придать огромное значеніе, приставивъ къ нему слѣва одну или нѣсколько единицъ. Эту приставку мы именно и сдѣлали. Вся сила Англіи, давшая ей въ настоящемъ случаѣ такое значеніе, есть вполне наше созданіе: мы вызвали изъ небытія грозный призракъ, облекли его плотью, дали ему точку опоры, вложили ему въ руки рычагъ, которымъ онъ поднялъ и сковырнулъ насъ съ мѣста, занятаго нами съ такимъ трудомъ, съ такими жертвами.

Представимъ себѣ, для уясненія дѣла, простѣйшій случай: войну между Россіей и Англіей, одинъ на одинъ, при честномъ соблюденіи прочими державами, въ томъ числѣ и Турціей, нейтралитета. Дѣйствія Англіи ограничились бы полугодовою прогулкой по водамъ Балтійскаго и Бѣлаго морей, совершенно для насъ безвредною, какъ показалъ опытъ войны съ 1854 по 1856 годъ. Даже единственное, сколько нибудь дѣйствительное въ прежнія времена, оружіе Англіи—блокада портовъ—потеряло почти все свое значеніе съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ. Россія потерпѣла бы нѣсколько отъ возвышенія цѣнъ на предметы ея вывоза, вслѣдствіе удлиненія сухопутной перевозки; но главный покупатель

ихъ—Англія—потеряла бы почти столько же отъ этого вздорожанія. Въ барышахъ осталась бы одна Пруссія. Вывозъ изъ Чернаго моря оставался бы при этомъ свободнымъ, такъ какъ блокировать нейтральный Дарданелльскій проливъ Англія не имѣла бы права. Въ нашихъ же рукахъ оставалось бы крейсерство, которое принесло бы Англіи въ нѣсколько разъ болѣе вреда, чѣмъ намъ ея блокада. Но формалистическая Англія не страдаетъ, какъ извѣстно, излишнею привязанностью къ легальности въ дѣлахъ внѣшней политики, и, безъ сомнѣнія, нашла бы случай уговорить Турцію отказаться отъ своего нейтралитета, по крайней мѣрѣ, на столько, чтобы представиться неимѣющею силы заградить проливы для англійскаго флота. Тогда къ средствамъ Англіи прибавилась бы еще блокада Черноморскихъ портовъ, то есть, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, Россія была бы поставлена въ то же положеніе, какъ и въ прошломъ году, во время войны съ Турціей. О бомбардированіи прибрежныхъ городовъ, какъ въ Балтійскомъ, такъ и въ Черномъ морѣ, я не говорю. При силѣ сухопутной артиллеріи и при торпедахъ, угроза эта потеряла почти всякое значеніе. Допустимъ, что, дабы не усложнить своего положенія, мы стали бы смотрѣть сквозь пальцы на это нарушеніе турецкаго нейтралитета, какъ смотрѣли въ прошломъ году на дѣйствія нейтрализованнаго Египта. Всѣ жертвы кровью и деньгами, которыя мы несли бы въ войнѣ съ Турціей, оставались бы у насъ въ экономіи. Слѣдовательно, война съ Англіей одинъ на одинъ, хотя бы и при нарушеніи Турціей нейтралитета — пропускомъ англійскаго флота черезъ проливы, — для Россіи гораздо легче, чѣмъ даже война съ Турціей. Безъ значительнаго ущерба мы могли бы выносить ее нѣсколько лѣтъ. Въ резервѣ оставалась бы у насъ угроза похода въ Индію, одинъ приступъ къ исполненію котораго, вѣроятно, уже заставилъ бы Англію смириться, въ особенности при томъ вредѣ, который наносился бы ей нашими крейсерами. Вотъ итогъ, къ которому приводится сила Англіи, по отношенію къ Россіи, если смотрѣть ей безъ предразсудковъ прямо въ глаза. Многимъ ли онъ разнится отъ нуля?

Но перейдемъ отъ предположенія единоборства къ той дѣйствительности, которая существовала въ концѣ января нынѣшняго года. Занятіемъ Галлиполи и Босфора, Черное море гораздо лучше обезпечивалось отъ вторженія англійскаго флота, чѣмъ при нашемъ гипотетическомъ предположеніи о нейтралитетѣ Турціи.

Англіи оставалась еще возможность высадки ея британскихъ войскъ и привезенныхъ на Мальту сипаевъ. Но высадки—гдѣ? Не иначе, какъ на берегахъ Эгейскаго моря, въ почтенномъ разстояніи отъ расположенія главныхъ русскихъ силъ. Тамъ могли бы они занять твердую позицію и укрѣпиться, пожалуй, если бы позволила мѣстность, такъ же сильно какъ и въ Гибралтарѣ. Ну, пусть бы себѣ и укрѣпились. Имѣя въ своихъ рукахъ Дарданеллы и Босфоръ, мы могли бы спокойно ихъ пересиживать въ нашихъ укрѣпленныхъ позиціяхъ. Чтобы побудить насъ удалиться изъ нашихъ несравненно важнѣйшихъ позицій, англичане охотно согласились бы оставить свою. Мы господствовали бы надъ положеніемъ, значеніе же Англіи было бы совершенно ничтожно, ничтожнѣе, чѣмъ въ только-что разсмотрѣнномъ нами случаѣ единоборства. Въ такое положеніе поставила себя Англія рядомъ самообольщеній, какъ оказалось, ничѣмъ не оправдываемыхъ. Въ началѣ войны она льстила себя надеждою, что Турція, и безъ ея помощи,—по крайней мѣрѣ, явной,—устоитъ противъ Россіи, которая будетъ этимъ поставлена въ жалкое и смѣшное положеніе. Наши неудачи подъ Плевной еще болѣе укрѣпили ее въ этомъ мнѣніи и тѣмъ усыпили ея бдительность, лишили привычной прозорливости, и этимъ были для насъ, собственно говоря, благопріятны. Когда, 28-го ноября, Плевна пала, всѣ думали, что наступившая глухая осень, холода и ненастье заставятъ русскую армію отложить свои дальнѣйшія дѣйствія до весны, а къ тому времени, если бы не удались переговоры, можно было успѣть и приготовиться на всякія случайности. Когда эти расчеты были обмануты изумительнымъ, безпримѣрнымъ зимнимъ переходомъ черезъ Балканы (увы! оставшимся бесполезнымъ), Англія была захвачена врасплохъ. Мы могли сдѣлать все, что хотѣли, но на бѣду хотѣли не того, что было нужно. Лордъ Дерби, правильно оцѣнившій дѣйствительную силу противниковъ, не полагался на силы Англіи, и еще менѣе на силы Австріи, и потому боялся войны, боялся до того, что, когда дерзкіе шаги его премьера, казалось, неминуемо къ ней вели, то онъ не захотѣлъ раздѣлить отвѣтственности въ политикѣ, которая обѣщала быть постыдною и гибельною для Англіи. Уступалъ-ли ему въ правильной оцѣнкѣ реальныхъ политическихъ силъ европейскихъ государствъ лордъ Биконсфильдъ—этого я не знаю; но за то послѣдній въ совершенствѣ разгадалъ характеръ дипломатіи и направленіе политики Россіи, и потому былъ твердо увѣренъ,

что войны не будетъ, что бы онъ ни дѣлалъ, какъ бы дерзко ни поступалъ. Дерби, какъ государственный человѣкъ, выводилъ свои заключенія изъ общихъ данныхъ, изъ общеизвѣстныхъ элементовъ народной и государственной силы; напротивъ того, Биконсфильдъ, какъ бывшій романистъ, основывалъ свою политику на психологическихъ комбинаціяхъ, на разгаданномъ имъ характерѣ противниковъ, съ которыми имѣлъ дѣло. Что подало ему ключъ къ этой разгадкѣ—глубокое ли изученіе новѣйшей исторіи, правильная ли оцѣнка веденныхъ переговоровъ и вообще образа дѣйствій русской дипломатіи съ самаго начала восточныхъ замѣшательствъ, или какія либо частности болѣе интимнаго характера, ему только извѣстныя, имъ только понятныя,—какъ бы то ни было, соображенія его оказались, къ несчастію, вѣрными. Какъ бы въ оправданіе ихъ, мы начали приставлять свои единицы къ нулю. Первою единичкою было оставленіе свободнымъ входа въ Мраморное море, съ обѣщаніемъ не занимать пролива, если англичане сами не сдѣлаютъ высадки на Галлипольскомъ полуостровѣ. Босфоръ также остался незанятымъ. Но всѣмъ этимъ положеніе Англіи еще не очень усиливалось. Справиться съ нимъ еще было можно. Подвести десантъ въ Мраморное море, проникнуть флотомъ въ Черное—англичане бы не осмѣлились. Обѣщаніе, какъ само собою разумѣется, оставалось бы дѣйствительнымъ только до начала враждебныхъ дѣйствій, каковымъ, при всемъ желаніи смотрѣть сквозь пальцы, нельзя же бы было не признать прорыва въ Черное море, или высадки на берегахъ Мраморнаго, и, слѣдовательно, двери за ними захлопнулись бы. Самыя элементарныя правила, какъ сухопутной, такъ и морской стратегіи, не допустить ни одного военачальника прорваться черезъ дефили, оставивъ послѣдній подъ угрозой немедленнаго занятія непріателемъ. Про силы Турціи—я вичего не говорю: въ концѣ января ихъ не существовало, онѣ были разгромлены. Но тутъ-то и приставили мы вторую единицу къ нулю, допуская заключеніемъ прелиминарнаго мира, созданіе вновь этой силы, и тѣмъ же промахомъ, если не создавали, то придавали пагубное для насъ значеніе силамъ третьяго отъявленнаго нашего врага—Австріи.

Когда турецкіе послы прибыли въ нашу главную квартиру молить о дарованіи имъ мира, полагаясь единственно на наше великодушіе, ибо другой помощи, ни отъ людей, ни отъ пророка, не предвидѣлось, намъ предстояло,—такъ по крайней мѣрѣ каза-

лось,—или предписать окончательный миръ, если бы мы хотѣли сами рѣшить все дѣло,—или же ограничиться заключеніемъ продолжительнаго военнаго перемирія, ежели желали подвергнуть условія мира обсужденію Европы. Но было избрано нѣчто среднее—миръ прелиминарный, нововеденіе по меньшей мѣрѣ столь же неудачное въ дипломатіи, какъ поповки въ морскомъ строительномъ искусствѣ; прелиминарный миръ соединялъ въ себѣ всѣ невыгодныя стороны окончательнаго мира и военнаго перемирія, безъ заключающихся въ нихъ выгодъ.

Послѣдствія заключенія тогда же окончательнаго мира намъ собственно разсматривать нечего. Уже то обстоятельство, что сочтено было необходимымъ заключить только прелиминарный договоръ, доказываетъ, что мы ясно сознавали, что условія, которыми мы думали закончить нашу борьбу съ Турціей, не встрѣтятъ сочувствія Европы и, преимущественно, государствъ, считавшихъ себя наиболѣе затронутыми—Англіи и Австріи, и что они всѣми мѣрами будутъ стараться препятствовать ихъ осуществленію. Слѣдовательно, если бы, не смотря на эту нашу увѣренность, мы все-таки рѣшились придать условіямъ Санъ-Стефанскаго договора санкцію твердаго окончательнаго трактата, намъ необходимо было обезпечить себя отъ враждебнаго посторонняго вмѣшательства и для этого занять Дарданеллы и Босфоръ. Видя всякую помощь извнѣ отрѣзанною, Турція продолжала бы находиться въ томъ же настроеніи духа, въ которомъ находилась при заключеніи перемирія. Видя единственное спасеніе въ великодушіи Россіи, опасаясь еще худшихъ условій въ случаѣ возобновленія борьбы, она и не подумала бы собирать свои силы и истощаться для этой безнадёжной борьбы. Съ другой стороны, и Англія, видя, что дѣло кончено, что перевершить его можно только новою войной, что всѣ шансы въ этой войнѣ противъ нея, что въ силахъ самой Турціи она никакой помощи найти не можетъ, а сама также помочь ей черезъ непреодолимую преграду не въ состояніи,—помирилась бы съ неизбежнымъ.

И такъ, разсмотримъ другой случай. Россія желала заручиться согласіемъ Европы на результаты, которые хотѣла извлечь изъ войны, и потому не хотѣла заключить окончательнаго мира. Въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы ограничиться военнымъ перемиріемъ. При заключеніи военныхъ перемирій преобладаетъ стратегическая точка зрѣнія и, главнымъ образомъ, имѣется въ виду (со стороны предписывающаго условія побѣдителя), чтобы, въ случаѣ возоб-

новленія военныхъ дѣйствій, противникъ не оказался въ положеніи болѣе выгодномъ, чѣмъ въ моментъ ихъ прекращенія; если же перемиріе завершится миромъ, то чтобы вліяніе побѣды сохранило всю свою силу вплоть до окончательнаго умиротворенія. Такъ, въ осажденную крѣпость допускаютъ подвозъ провіанта только въ количествѣ необходимомъ для пропитанія гарнизона и жителей, а не для возобновленія запасовъ. Поврежденные верки должны оставаться неисправленными, новые не могутъ возводиться. Слѣдовательно, при военномъ перемиріи, ни со стороны Галлиполи, ни со стороны Босфора, ни со стороны Константинополя, не могло и не должно было быть выкопано ни одного стрѣлковаго ровика, не могло быть возведено ни одного редута, не могло даже быть прибавлено ни одного новаго батальона. Пусть при такомъ положеніи дѣлъ Дарданеллы и даже Босфоръ оставались бы незанятыми; пусть тѣ, не помню хорошенько, шесть или восемь англійскихъ броненосцевъ вошли бы въ Мраморное море, даже получивъ наше обѣщаніе не занимать позади ихъ пролива, но подъ единственнымъ условіемъ, что англичане не сдѣлаютъ высадки и, что само собою разумѣется, не начнутъ инымъ способомъ военныхъ дѣйствій—положеніе Россіи все бы оставалось господствующимъ. Могла ли Англія на что нибудь рѣшиться, зная, что, при малѣйшемъ ея движеніи, двери проливовъ, незащищенныхъ турками, захлопнутся за ея флотомъ? Допустимъ, наконецъ, что, употребивъ какую либо уловку, англичане успѣли бы предупредить насъ и занять Галлипольскій перешеекъ. Если бы даже намъ не удалось ихъ изъ него выбить, все же надо помнить, что сухопутныя силы Англіи могутъ имѣть только значеніе вспомогательнаго корпуса, а за неимѣніемъ кому помогать, при отсутствіи турецкихъ силъ, были бы осуждены на ничожество, и что такимъ образомъ Босфоръ, а, слѣдовательно, и сообщеніе по Черному морю продолжало бы оставаться въ нашемъ распоряженіи, а это парализировало бы стратегическое положеніе Австріи, которая, вмѣсто того, чтобы угрожать нашему пути сообщенія, сдѣлавшемуся отъ нея независимымъ, сама была бы почти со всѣхъ сторонъ окружена нами и нашими союзниками.

Заключеніе прелиминарнаго мира уничтожило всѣ эти выгоды, потому что послѣ него Турція вступала во всѣ права, принадлежащія независимому государству. На всѣ наши представленія, она могла утверждать, что взводимыя ею укрѣпленія, собираемыя и сосредоточиваемыя войска — имѣютъ единственную цѣль защиту

ея нейтралитета, или даже подготовленіе для союзнаго съ нами дѣйствія. Мы могли, конечно, тому не вѣрить, но лишились уже всякаго легальнаго повода противодѣйствовать этому и, такимъ образомъ, результаты побѣды постепенно таяли и исчезали на нашихъ глазахъ и на глазахъ нашихъ противниковъ.

Это различіе между военнымъ перемиріемъ и мирнымъ договоромъ имѣло особенную важность именно для насъ, привыкшихъ столь строго соблюдать легальность въ международныхъ отношеніяхъ. При началѣ польскаго возстанія 1863 года, въ *Journal de S.-Petersbourg*, слывущемъ и въ Россіи и въ Европѣ офиціознымъ органомъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, была помѣщена фраза, надѣлавшая въ свое время много шума: „*La légalité nous tue*“. Упрекъ этотъ едва ли справедливъ, если сожалѣніе это относить (какъ это дѣлалъ французско-русскій журналъ) къ соблюденію излишней будто бы законности во внутреннихъ дѣлахъ, но совершенно основателенъ въ примѣненіи къ дѣйствіямъ нашей внѣшней политики. Въ дѣлѣ легальности мы составляемъ, кажется мнѣ, діаметральную противоположность съ Англіей. Тамъ легальность, какъ извѣстно, доводится до смѣшной крайности въ отношеніяхъ государственной власти и закона къ своимъ подданнымъ. Тамъ, напримѣръ, адвокатъ дѣйствительно спасаетъ двоеженца отъ наказанія, совѣтуя ему взять какъ можно скорѣе третью жену, потому что законъ, крайне-строгій къ двоеженству, вовсе не предвидѣлъ случая троеженства. Но во внѣшнихъ дѣлахъ, Англія, когда это ей оказывается нужнымъ или выгоднымъ, не задумывается бомбардировать столицу государства, съ которымъ не находится въ войнѣ, или провести свой флотъ черезъ проливъ, вопреки тому самому трактату, который она защищаетъ. Россія, не простирая слишкомъ далеко своей легальности во внутреннихъ дѣлахъ,—въ отношеніяхъ внѣшнихъ видитъ въ каждой буквѣ связывающаго ее трактата препятствіе, черезъ которое не рѣшается переступить, хотя бы дѣло шло о существеннѣйшихъ ея интересахъ. Нисколько не оуждая этого и даже не выражая своего мнѣнія о преимуществахъ той или другой крайности, я желаю только выставить на видъ, что, при столь строгомъ соблюденіи легальности въ международныхъ отношеніяхъ, Россія болѣе чѣмъ другимъ слѣдуетъ быть осторожной въ наложеніи на себя политическихъ стѣсненій и обязательствъ. Такъ, въ случаѣ, подобномъ нами разбираемому, можно смѣло утверждать, что Англія или Бисмарковская Пруссія, даже заключивъ

мирный договоръ, но замѣтивъ послѣдствія, къ которымъ онъ ведетъ, не задумались бы его нарушить, чтобы вывести себя изъ крайне затруднительнаго положенія.

Военное перемиріе, вмѣсто прелиминарнаго мира, не только упрочивало бы наше господствующее стратегическое положеніе, но сглаживало бы путь и для дипломатіи. Нашимъ противникамъ нельзя было бы тогда требовать, какъ предварительнаго условія конгресса (какъ будто конгрессъ этотъ былъ для насъ какою нибудь милостью), чтобы всѣ пункты договора были представлены ему на обсужденіе, такъ какъ самихъ условій этихъ тогда бы еще не существовало. Мы явились бы на конгрессъ не съ формулированными уже условіями, подлежащими, съ нашего же согласія, его рѣшающей критикѣ, а съ такими, напримѣръ, словами на устахъ: „врагъ нашъ не существуетъ. Мы въ состояніи недопустить до него внѣшней помощи, откуда бы она ни происходила, и потому безспорно господствуемъ надъ положеніемъ; но не хотимъ злоупотреблять его выгодами и ограничиваемся: съ одной стороны, безусловно необходимымъ для осуществленія той цѣли, съ которою предприняли войну, то есть, для освобожденія христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова; а съ другой—самымъ умѣреннымъ вознагражденіемъ, на которое, кромѣ насъ, ведшихъ войну, конечно, никто не имѣетъ ни малѣйшаго права“. Если бы, оградивъ себя со всѣхъ сторонъ, мы пожелали сдѣлать нѣсколько несущественныхъ уступокъ самолюбію Англіи и притязаніямъ Австріи, то онѣ были бы приняты съ благодарностью, ибо „всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ“. Конгресса, котораго добивались мы, дѣлая невообразимыя предварительныя уступки для его осуществленія,—добивались бы тогда наши противники, чтобы избавить себя и Турцію отъ висящаго надъ ними Дамоклова меча, отъ непрестанно угрожающаго занятія Дарданеллъ, Босфора и Константинополя, ничѣмъ и никѣмъ незащищенныхъ. Всякое окончательное рѣшеніе мало-мальски умѣренное, не передающее намъ полной непосредственной власти надъ проливами, было бы принято съ благодарностью и радостью, какъ избавленіе отъ давящаго кошмара, отъ страшной и неотвратимой опасности. Вмѣсто іюня конгрессъ собрался бы въ мартѣ или въ апрѣлѣ. Побѣда наша не отошла бы, ко времени открытія этого высокаго собранія въ область прошедшаго, не обратилась бы въ исключительное достояніе исторіи, а оказывалась бы еще живымъ факторомъ, направляющимъ ходъ

событій. И на конгрессѣ стояли бы мы въ грозномъ положеніи побѣдителей, а не людей попавшихся въ западню.

Въ такомъ видѣ находились бы наши дѣла, если бы мы соблюли только въ отдѣльности любую изъ главныхъ предосторожностей, обеспечивавшихъ завоеванное нами положеніе. Конечно, дѣла много бы еще улучшились, если бы не только были приняты объ эти мѣры въ совокупности, но къ нимъ присоединились бы еще сдача турецкихъ крѣпостей въ краткій опредѣленный срокъ и уступка Турціей всего или большей части ея броненоснаго флота.

Но мы не заняли ни Галлипольскаго полуострова, ни Босфорскаго берега, а съ Турками заключили прелиминарный мирный договоръ, то есть, договоръ, между строками котораго самымъ четкимъ шрифтомъ было написано: „напрягайте силы ваши всѣ, недовольные миромъ, турки, англичане, австрійцы, и все существенное, что вамъ въ немъ не нравится, будетъ отмѣнено и измѣнено въ вашу пользу“. Слѣдуя подразумеваемому совѣту, турки собрали полтораста или двухсотъ-тысячную армію, частью изъ нами же выпущенныхъ гарнизоновъ и возвели укрѣпленія на подобіе плевнинскихъ у входа къ Дарданелламъ, вдоль береговъ Босфора, въ окрестностяхъ Константинополя. Англія пріобрѣла значеніе даже какъ сухопутная военная держава, ибо могла съ быстротою парабросить свои сорокъ или пятьдесятъ тысячъ войскъ на самый опасный для насъ пунктъ. Ничтожный англо-сипайскій корпусъ получилъ дѣйствительную важность, какъ всегда и всюду готовая помощь и безъ того значительнымъ турецкимъ силамъ. Черное море перешло въ распоряженіе Англіи, и этимъ возвращены Австріи всѣ, утраченныя-было, выгоды ея стратегическаго положенія. Турецкія крѣпости у насъ въ тылу или посреди нашего расположенія затруднили насъ еще болѣе, и наше положеніе изъ господствующаго стало критическимъ. Мы очутились въ западнѣ. Геройскія усилія войскъ, отстоявшихъ Шипку, перешедшихъ зимою Балканы, могли, конечно, вывести со славой и изъ такого положенія; но передъ подобными подвигами можно только благоговѣть, а не основывать на нихъ политическіе расчеты.

Неужели такъ трудно было все это предвидѣть? Еще въ то время, когда войска наши шли изъ Адрианополя на Константинополь и, по скуднымъ газетнымъ извѣстіямъ, направленіе многихъ значительныхъ отрядовъ оставалось неизвѣстнымъ, со всѣхъ сторонъ слышались догадки, что, свернувъ съ пути на столицу,

они, вѣроятно, быстро подвигаются къ Галлиполи. Такъ казалось тогда движеніе это естественнымъ и необходимымъ. Но что говорить о проницательности и предвидѣніи! Развѣ не былъ намъ во всеуслышаніе, еще въ-время, преподанъ совѣтъ, не со стороны газетныхъ политиковъ и стратеговъ, на которыхъ присяжные дипломаты имѣютъ, положимъ, право смотрѣть свысока, а авторитетнымъ голосомъ всѣми признаннаго, перваго политическихъ дѣлъ мастера въ Европѣ? Не произнесъ ли князь Бисмаркъ, съ кафедръ германскаго рейхстага, своей нагорной проповѣди о политическомъ блаженствѣ: „*Beati possidentes*“,—сказалъ онъ. Кто же, или что же заставило насъ пренебречь этимъ совѣтомъ, заставило добровольно отказаться отъ обладанія и черезъ это лишиться политическаго блаженства?

Недовольство Германіей, какъ за дѣйствія ея на конгрессѣ, такъ и во время предшествовавшихъ ему переговоровъ, довольно распространено въ нашемъ обществѣ. И я также писалъ, что за чистое золото нашихъ, столько разъ оказанныхъ, услугъ—Пруссія, или, что то-же самое, Германія, платитъ намъ ассигнаціями весьма низкаго курса. Но, положи руку на сердце, можемъ ли мы обвинять ее въ недостаточной къ намъ благодарности? Что Германія вообще и Пруссія въ особенности обязана намъ чрезвычайно многимъ — это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію и даже официально ею признано. Но требовали ли мы отъ нея уплаты долга? Испытывали ли мы ея дружбу? Ставили ли мы ее въ такое положеніе, въ которомъ ей предстояло бы высказаться прямо и откровенно: за насъ она, или противъ насъ? Мнѣ кажется, что нѣтъ, и что поэтому, если мы можемъ упрекнуть Германію, то развѣ только въ томъ, что ея признательность не слишкомъ предупредительнаго свойства. Если частный человѣкъ, оказавшій другому большія услуги, по деликатности или другимъ причинамъ не обращается къ другу за помощью „въ минуту жизни трудную“, когда, слѣдовательно, и наступилъ настоящій срокъ уплаты, не требуетъ отъ него уплаты долга и довольствуется кое-какими мелочными услугами, отъ времени до времени замолвленнымъ словцомъ; а другъ, по собственному побужденію, не спѣшитъ на выручку, но остается доволенъ такою непритязательностью, дающею ему возможность сохранить наружное благоприличіе и не ставящею его въ затруднительное положеніе—или честно уплатить свой долгъ, или удивить міръ своею неблагодарностью: — мы, строго говоря,

въ правѣ назвать такого друга—ложнымъ другомъ. Но едва ли такой высокій нравственный критеріумъ имѣетъ примѣненіе къ дружбѣ политической.

Военный успѣхъ и политическая неудача Россіи, благодарность Англіи, исполненіе обѣщанія, даннаго Австріи вознаграждать ее на Востокѣ за потери въ Германіи и Италіи, безъ явнаго нарушенія своихъ дружественныхъ отношеній къ Россіи,—вѣдь это все, чего только могла желать и о чемъ едва ли могла мечтать Германія. И всего этого лишиться, не ради избѣжанія упрека въ неблагодарности, а просто изъ-за излишней предупредительности, изъ-за невязчивости своею благодарностью! Я искренно убѣжденъ, что такая мысль не только совершенно невмѣстима въ голову европейскаго политика, но даже, что едва ли она и должна вмѣщаться въ голову какаго бы то ни было политика.

Мысль о желательности для Германіи чисто-военнаго успѣха Россіи можетъ, пожалуй, показаться парадоксальною. Такой скептицизмъ былъ бы весьма неоснователенъ. Для Германіи чрезвычайно важно мочь сказать: „смотрите, какаго мы имѣемъ союзника и друга. Для себя онъ, конечно, извлекъ очень мало пользы изъ своей силы, но для насъ, повѣрьте, съумѣетъ ее извлечь. За это мы вамъ ручаемся“. Впрочемъ, важность для Германіи русскаго военнаго успѣха не есть только наше личное, болѣе или менѣе вѣроятное, предположеніе. Разъяснить это обстоятельство принялъ на себя трудъ весьма вліятельный членъ германскаго рейхстага. Онъ сказалъ: что „неудачи русской арміи въ началѣ войны заставляли опасаться такого ослабленія Россіи, что она могла бы перестать служить достаточною поддержкою (какова честь, подумайте!) для сохраненія того положенія, которое Германія занимаетъ въ Европѣ“. Кажется,—ясно, и чего же пріятнѣе, когда вмѣсто слабости оказалась сила, но не про себя, а про нужды Германіи?

Но возвращаемся къ нашему вопросу. Кто-же, или что заставило насъ пренебречь благимъ совѣтомъ знаменитаго канцлера? На вопросъ, *кто*, мы отвѣчать не можемъ по множеству причинъ. Во-первыхъ потому, что этого не знаемъ; во-вторыхъ потому, что если бы и знали, то не могли бы напечатать; въ-третьихъ наконецъ потому, что не придаемъ этому ни малѣйшаго значенія. Пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и будущіе читатели тогдашняго *Русскаго Архива* или *Русской Старины* узнаютъ, по чьей ошибкѣ, недосмотру, недоразумѣнію, заблужденію, сдѣлано было

то или другое упущеніе, по чьему совѣту принята та или другая ложная мѣра и не принято надлежащей мѣры. Все это будетъ чрезвычайно любопытно, еще любопытнѣе оно было-бы теперь — но настолько же бесполезно, насколько любопытно.

Говоримъ мы это не потому, что склонны отвергать или умалять вліяніе личнаго элемента въ исторіи, согласно съ теоріями нынѣ господствующей исторической школы. Совершенно напротивъ, мы полагаемъ, что гораздо болѣе правды въ Карлейлевомъ культѣ героевъ, чѣмъ въ ученіи этой школы. Мы думаемъ, что безъ князя Бисмарка еще долго пришлось бы Нѣмцамъ мечтать за кружкой пива о гезамтъ-фатерландѣ, что все добро и все зло Петровской реформы имѣло своимъ главнымъ источникомъ силу генія и воли Петра. Но, съ другой стороны, люди обыкновенныхъ размѣровъ, безъ выдающейся оригинальности и силы мысли, безъ необыкновенной энергіи воли, отражаютъ въ себѣ направленіе той среды, которою окружены, подчиняются господствующему настроенію умовъ, живутъ традиціями и предрасудками прошлаго. Слѣдовательно, въ этомъ направленіи, въ традиціяхъ и предрасудкахъ среды, въ общественномъ мнѣніи, господствовавшемъ, если и не въ тотъ историческій моментъ, когда имъ приходится дѣйствовать, то въ то время, когда складывался ихъ образъ мыслей, должно искать корня какъ ихъ полезныхъ дѣйствій, такъ и ихъ ошибокъ. Они не способны идти противъ теченія и слѣдуютъ разъ данному имъ толчку. Возьмемъ для примѣра хоть настоящій образъ дѣйствій Англіи, гдѣ характеръ общаго направленія мнѣній очевиднѣе, чѣмъ въ какой либо другой странѣ. Развѣ графъ Биконсфильдъ не есть продуктъ этого направленія и не слѣдуетъ за потокомъ общественнаго мнѣнія, хотя безспорно имѣетъ всѣ необходимыя качества ума и воли, чтобы быть его достойнымъ представителемъ и главою? Поэтому, люди, гораздо выше его стоящіе по широтѣ взгляда, положимъ какъ Гладстонъ и Брайтъ, оказываются неравносильными ему, побѣжденными соперниками. Еслибъ эти люди даже стояли въ главѣ правительства, они должны бы были уступить ему поле дѣйствія, какъ только русскіе успѣхи задѣли бы за живое предрасудки и самолюбіе Англійской націи; такого рода случай и былъ передъ началомъ Крымской войны: миролюбивый Абердинъ долженъ былъ уступить мѣсто воинственному Пальмерстону, а Кобденъ лишился даже мѣста въ парламентѣ. Основываясь на этомъ, мы и считаемъ возможнымъ отвѣтить на

вопросъ: *что* было причиною всѣхъ недоразумѣній, ошибокъ и упущеній, которыя привели насъ къ такой поразительной политической неудачѣ послѣ не менѣе поразительныхъ военныхъ успѣховъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается во всей исторіи внѣшнихъ отношеній Россіи въ теченіе всего XIX столѣтія.

Не входя въ изслѣдованіе, какъ благотѣльнаго, такъ и вреднаго вліянія Петровской реформы въ чисто культурномъ отношеніи, мы ограничимся лишь тѣмъ фактомъ, что, не смотря на подражательность въ обычаяхъ, правахъ и образѣ жизни высшихъ слоевъ нашего общества,—направленіе внѣшней политики Россіи, въ теченіе всего XVIII столѣтія, оставалось вполне русскимъ. Въ эту сферу предпочтеніе чужаго своему еще не успѣло проникнуть. Русскихъ вельможъ того времени, въ ихъ отношеніи къ иностранному, можно сравнить съ римскими патриціями временъ имперіи. Эти патриціи усвоили себѣ греческую элегантность манеръ, костюма, образа жизни, отдавали справедливое предпочтеніе греческому искусству и греческой наукѣ, держали при себѣ домашнихъ греческихъ живописцевъ, скульпторовъ, врачей, педагоговъ и даже философовъ; но то, что они считали высшею сферой человѣческой дѣятельности, т. е. политика, продолжало носить чисто римскій характеръ. Такъ и наши Екатерининскіе вельможи, хотя и преклонялись передъ европейскими—собственно французскими—наукой, литературой, искусствомъ, промышленностью и модой, но сохраняли въ этомъ преклоненіи нѣкоторый отбѣнокъ полупрезрительнаго покровительства, и не допускали мысли предпочтенія политическихъ интересовъ высокопросвѣщенной Европы интересамъ своей варварской и грубой Россіи; не допускали мысли, чтобы сила и могущество Россіи могли служить не русскимъ цѣлямъ, хотя бы и окрестить ихъ названіемъ возвышеннѣйшихъ интересовъ человѣчества.

Когда грянула французская революція, и монархія вмѣстѣ съ аристократіей были попораны разгулявшеюся чернью,—это не могло не оскорбить монархическихъ и аристократическихъ чувствъ императрицы и ея вельможъ; но солидарности между собой и побѣжденною стороною вообще они не чувствовали. И въ самую бурную эпоху, въ самый разгаръ революціонныхъ страстей, русская политика продолжала преслѣдованіе своихъ цѣлей: доканчивалась вторая турецкая война, штурмовались Измаиль и Прага, совер-

пался третій раздѣлъ Польши. Не было недостатка, со стороны консервативныхъ интересовъ Европы, въ заискиваніяхъ и просьбахъ о помощи; была даже собрана русская армія на западныхъ границахъ; но императрица все медлила, все мы не шли искать похмѣлья въ чужомъ пиру. Вопросъ: что же выиграетъ Россія отъ побѣды? удерживалъ отъ дѣятельнаго вмѣшательства въ чуждыя Россіи европейскія дѣла.

Съ кончиной великой Императрицы все это измѣнилось. Русскія войска была двинуты на помощь Австріи и Англіи, ради интересовъ совершенно чуждыхъ Россіи. Война была блистательна, подвиги русскихъ изумительны; но и въ 1799 г., какъ и въ 1878 г., можно было воскликнуть: горе побѣдителямъ! Побѣды были напрасны, отъ плодовъ ихъ не осталось и слѣда. Конечно, это горе было легче сносить, потому что и самые плоды русскихъ побѣдъ принадлежали тогда Австріи. Послѣ этой первой попытки употребленія русскихъ силъ для чуждыхъ Россіи цѣлей, сейчасъ же послѣдовало и разочарованіе. Императоръ Павелъ, наученный опытомъ, вѣрно понялъ отношенія Россіи къ Европѣ. На запискѣ графа Растопчина противъ словъ: «Одна лишь выгода изъ сего (изъ войны 1799 года) произошла—та, что сею войной разорвались всѣ почти союзы Россіи съ другими землями. Ваше императорское величество давно уже со мною согласны, что Россія съ рочими державами не должна имѣть иныхъ связей кромѣ торговыхъ. Перемѣняющіяся столь часто обстоятельства могутъ рождать и новыя сношенія и новыя связи, но все сіе можетъ быть случайно, временно», — императоръ Павелъ собственноручно написалъ: «святая истина».

Но урокъ былъ, къ сожалѣнію, скоро забытъ. Побудительною причиной военныхъ приготовленій Екатерины и войны Павла была мысль о сохраненіи и восстановленіи интересовъ консерватизма и легитимизма, нарушенныхъ французскою революціей. Это была та мазка, при помощи которой проскользнула въ русскую политику—забота объ европейскихъ интересахъ. Но уже и этой побудительной причины не существовало, когда въ 1805 году мы явились опять на выручку Австріи, подобно громоотводу притянувшей на себя ударъ, назначавшійся Англіи. Въ это время самъ Наполеонъ уже принялъ въ свои могучія руки охрану консервативныхъ интересовъ.

Поводомъ къ этой второй, не въ русскихъ интересахъ затѣ-

янной, войнѣ служило уже обузданіе ненасытимаго честолюбія Наполеона. Но вполне ли справедливо это обвиненіе, тяготящее надъ памятью великаго человѣка—обвиненіе, принятое нами отъ его враговъ англичанъ и нѣмцевъ и, въ новѣйшее время, отъ враждебныхъ ему демократическихъ писателей? А, главное, было ли это честолюбіе направлено противъ Россіи, имѣло ли оно въ виду нанесеніе ей вреда, умаленіе ея политическаго значенія, какъ это несомнѣнно постоянно имѣетъ въ виду дѣйствительно ненасытимое честолюбіе Англіи, съ которымъ, однакоже, мы такъ желаемъ ужиться?—И то и другое опровергается фактами.

Наполеонъ, 19-го брюмера, низвергъ директорію. Но намъ ли было принимать на себя защиту революціонной легальности? Первая война, которую онъ велъ какъ самостоятельный властитель Франціи, противъ Англіи и Австріи, и со славою окончилъ столь умѣреннымъ Аміенскимъ и Люневильскимъ миромъ, была ему завѣщана директоріей. Онъ возложилъ на себя императорскую корону,—но то было единственнымъ средствомъ доставить побѣду монархическому принципу, и опять-таки не намъ и даже не европейскимъ монархіямъ было за это на него негодовать. Онъ возобновилъ войну противъ Англіи, и, съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть на это, за исключеніемъ точки зрѣнія англійскаго властолюбія, — право было на его сторонѣ. Онъ поддерживалъ этимъ традиціонную политику Франціи. Утвердивъ ея могущество и силу на материкѣ Европы, не могъ же онъ равнодушно сносить, что всѣ ея богатые и цвѣтущія колоніи перешли въ руки ея историческаго врага. Въ этомъ еще нѣтъ признаковъ алчнаго, ненасытимаго честолюбія. Съ точки зрѣнія общихъ всемірныхъ интересовъ, политика Наполеона также была въ этомъ случаѣ разумна, справедлива и дальновидна. Не нашла ли себя даже императрица Екатерина вынужденною прибѣгнуть къ политикѣ вооруженнаго нейтралитета, для противодѣйствія англійскому самоуправству на моряхъ? Но сколько же разъ болѣе страдали отъ него интересы Франціи, издавна ведшей обширную морскую торговлю, чѣмъ интересы Россіи? Наконецъ, и съ точки зрѣнія легальности, не Англія ли была главною нарушительницею Аміенскаго мира тѣмъ, что не оставляла Мальты, какъ обязалась по договору? Присвоеніе себѣ острова на Средиземномъ морѣ было, подобно теперешнему захвату Кипра, вопіющимъ насиліемъ, котораго побѣдоносная Франція, понимавшая свои интересы и свое достоинство, не могла

снести. Но именно изъ этого возобновленія войны съ Англіей, въ которомъ все право было на сторонѣ Наполеона, проистекла уже по необходимости, роковымъ образомъ, вся послѣдующая его дѣятельность. При помощи золота и дипломатическаго искусства Англія съ этихъ поръ возбуждала противъ него все новыхъ и новыхъ враговъ, надѣявшихся загладить свои прежнія неудачи; а побѣды надъ ними поставили Наполеона на вершину политическаго величія, и тѣмъ заслужили ему укоръ въ ненасытимомъ честолюбіи. Не онъ былъ зачинщикомъ войнъ 1805, 1806 и 1809 годовъ; а разгромивъ своихъ враговъ, не могъ же онъ оставить въ ихъ рукахъ ту силу, которую они повторительно употребляли противъ него.

Уничтоженіе французскаго флота и, вслѣдствіе этого, невозможность произвести высадку на берега Англіи, заставили изобрѣтательный умъ Наполеона прибѣгнуть къ единственному дѣйствительному оружію противъ своего непримиримаго противника—къ континентальной системѣ—мѣрѣ, неоцѣненной его современниками, но которая, тѣмъ не менѣе, могущественнѣйшимъ образомъ содѣйствовала развитію промышленности на материкѣ:—упомяну лишь о свеклосахарномъ производствѣ, которое она породила.

Конечно, Наполеона можно упрекнуть въ неразборчивости средствъ, къ которымъ онъ иногда прибѣгалъ; но и въ этомъ противникъ его, Англія, по меньшей мѣрѣ, ни въ чемъ ему не уступала, прибѣгая къ мѣрамъ, подобнымъ бомбардировкѣ Копенгагена, причемъ, однако же, подобными дѣйствіями ничего не возбуждала, кромѣ безплоднаго и скоропреходящаго негодованія.

Но, каковы бы ни были дѣйствія Наполеона относительно Голландіи, Италіи, Испаніи, мелкихъ германскихъ государствъ, Пруссіи и Австріи,—относительно Россіи онъ постоянно выказывалъ самое дружеское расположеніе, искалъ ея союза, предоставлялъ ей самое широкое поле дѣйствія. Если, по роковому ходу событій, проистекавшихъ изъ твердаго и неуклоннаго стремленія Наполеона достигнуть своей вполнѣ законной, справедливой, неизбѣжно для него необходимой цѣли—обуздать и смирить Англію, близокъ онъ былъ къ достиженію всемірнаго владычества,—то онъ призывалъ Россію раздѣлить его съ нимъ, чувствуя, что одному ему оно было не подъ силу. Россія смѣло и съ чистою совѣстью могла бы послѣдовать этому призыву, потому что все могущество и величіе.

которыя приписались бы на ея долю въ этомъ раздѣлѣ, принадлежали и принадлежать ей по праву: въ нихъ не заключалось никакого хищенія или неправаго стяжанія.

Призывая Россію въ первый разъ къ союзу, Наполеонъ великодушно отпускалъ ея плѣнныхъ, которыхъ Англія не хотѣла обмѣнять на французовъ, томившихся на ея корабляхъ-тюрьмахъ, не взирая на то, что русскіе попали въ плѣнъ единственно по винѣ Англіи и защищая ея интересы. Тогда обстоятельства еще не привели Наполеона въ близкія отношенія къ Россіи, и, конечно, онъ еще не могъ предвидѣть, что власть его будетъ простирается до береговъ Нѣмана. Онъ повторилъ свое приглашеніе въ Тильзитѣ, предоставляя Россіи всѣ выгоды, какихъ только она могла желать. Наконецъ, Наполеонъ не переставалъ предлагать своего союза и въ то время, когда былъ побѣжденъ, справедливо полагая, что его уничтоженіе не можетъ лежать въ истинныхъ интересахъ Россіи, и что, подобно тому, какъ онъ, на верху могущества и послѣ побѣды, считалъ усиленіе и возвеличеніе Россіи вполне сообразнымъ съ своими интересами,—такъ и Россія, послѣ его пораженія, пойметъ, что сохраненіе его могущества требуется ея собственными выгодами.

Изъ этого очевидно, что Наполеонъ считалъ союзъ съ Россіей не временною сдѣлкой, имѣвшею для него важность при тѣхъ или другихъ случайныхъ обстоятельствахъ, а политическою необходимостью, существенною частью своей политической системы, независимо отъ временныхъ отношеній между обѣими державами, независимо отъ побѣды той или другой стороны. Война между Россіей и Франціей справедливо казалась ему лишь результатомъ недоразумѣній, наговоровъ, интригъ, непониманія истинныхъ интересовъ обѣихъ государствъ, и потому онъ надѣялся и вѣрилъ, что свиданіе съ императоромъ Александромъ разсѣетъ этотъ напускной туманъ. Того же мнѣнія держались и нѣкоторые русскіе люди высокаго ума и несомнѣнной преданности и любви къ Россіи. Сперанскій и Румянцевъ держались его еще до прискорбныхъ недоразумѣній, поведшихъ къ войнѣ 1812 года, а самъ побѣдитель Наполеона Кутузовъ былъ того же мнѣнія и послѣ этой войны.

Въ самомъ дѣлѣ, могущество Наполеона нейтрализовало дѣятельность Англіи и Австріи—этихъ главныхъ противниковъ нашей восточной политики; собственные же интересы Франціи на Восто-

къ далеко не могли уравнивать въ его глазахъ выгоды отъ искренняго содѣйствія Россіи его планамъ на Западѣ. Про Польшу онъ самъ говорилъ, что считалъ ее лишь орудіемъ въ своихъ рукахъ, которымъ онъ охотно бы пожертвовалъ, убѣдившись, что Россія безъ заднихъ мыслей входитъ въ его политическіе планы, которые были совершенно согласимы съ тѣмъ направленіемъ русской политики, какому слѣдовали Петръ и Екатерина. Въ причинахъ, побудившихъ Россію, съ такимъ напряженіемъ силъ, вести противъ Наполеона войны 1805, 1807, 1812, 1813 и 1814 годовъ, невозможно отыскать никакого существенно русскаго интереса. Онѣ были предприняты въ защиту чуждыхъ намъ цѣлей и интересовъ: англійскихъ, прусскихъ, австрійскихъ, германскихъ, пожалуй—италіанскихъ, голландскихъ, испанскихъ и португальскихъ, однимъ словомъ—интересовъ и цѣлей европейскихъ, но никакъ не русскихъ. Мы низвергли не только совершенно безвредное, но существенно полезное для насъ могущество Наполеона, для того чтобы укрѣпить могущество Англіи и возстановить силу Австріи, которыя и прежде и послѣ этого всегда были намъ враждебны, которыя стояли и стоятъ поперекъ всѣмъ нашимъ исконнымъ, законнѣйшимъ и справедливѣйшимъ стремленіямъ; мы разметали могучія когорты великаго Императора для того, чтобы освободить Германію и вывести изъ ничтожества Пруссію, ни прежде ни послѣ этого не оказавшихъ намъ никакой дѣйствительной помощи въ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ которыя мы попадали, благодаря все той же Англіи, все той же Австріи и самой Франціи. И ради чего же мы такъ дѣйствовали?—ради сомнительной чести считаться дѣятельнымъ и безкорыстнымъ членомъ европейской политической системы—чести, которой все-таки, однакоже, не достигли въ сознаніи европейскихъ правительствъ и европейскаго общественнаго мнѣнія.

Не замѣчательнъ ли въ самомъ дѣлѣ фактъ, что изъ всѣхъ союзовъ, которые Россія, по смерти императрицы Екатерины, заключала съ разными государствами, извлекали для себя пользу только наши союзники, достиженію же нашихъ цѣлей эти союзы никогда не содѣйствовали, а, напротивъ того, были лишь путями, связывавшими свободу нашихъ дѣйствій? Въ критическіе для насъ моменты, союзники наши всегда держали болѣе или менѣе явно сторону нашихъ враговъ. Такъ, Священный союзъ, затормазившій нашу дѣятельность въ пользу возставшихъ Грековъ, держался лишь

до тѣхъ поръ, пока намъ потребовалась его помощь; такъ и недавній союзъ трехъ императоровъ не пережилъ перваго испытанія. Единственное исключеніе изъ этого правила составляетъ нашъ союзъ съ Наполеономъ послѣ Тильзитскаго мира, доставившій намъ Финляндію, Бессарабію, Бѣлостокскую область и Тарнопольскій округъ Галиціи.

Послѣ неудачи 1805 года—этого истиннаго похмѣлья на чужомъ пирѣ,—мы обратились—было къ преслѣдованію нашихъ собственныхъ интересовъ, и начали обычную войну съ Турціей. Но лишь только появился новый поводъ выказать наше сочувствіе европейскому дѣлу,—свое дѣло было поставлено на задній планъ. Начатая война велась кое-какъ, а всѣ силы были сосредоточены для новой борьбы съ Наполеономъ. Чуждое намъ дѣло — защиту Пруссіи—приняли мы въ такой степени къ сердцу, что въ первый разъ, въ нашей новѣйшей исторіи, прибѣгли къ призыву народнаго ополченія. Результаты войны 1807 года были въ своемъ родѣ не менѣе изумительны, чѣмъ результаты кампаніи, веденной 70 лѣтъ послѣ нея,—но только въ обратномъ смыслѣ. Если теперь намъ приходится восклицать: горе побѣдителямъ! то послѣ Тильзитскаго мира мы имѣли поводъ къ не менѣе парадоксальному восклицанію: благо побѣжденнымъ!

Геній Наполеона указывалъ Россіи на прежнюю Петровскую и Екатерининскую политику, съ которой мы сбились послѣ смерти великой Императрицы. Руководимые его указаніями, мы и вступили на нее, но увы! не на долго. Заботы объ интересахъ Европы скоро вытѣснили изъ нашей политики заботы объ интересахъ Россіи, самое пониманіе которыхъ какъ-бы утратилось. Менѣе чѣмъ черезъ два года, мы стали уже тяготиться ея національнымъ направленіемъ и стремились снова стать на европейскую точку зрѣнія. Въ 1809 году, обязанные трактатомъ помогать Наполеону въ его новой войнѣ съ Австріей, мы отбросили даже свою обычную во внѣшнихъ сношеніяхъ легальность, и вели войну только для формы, чѣмъ и лишили себя случая возратить исконное состояніе Россіи — Галицкую Русь. Въ слѣдующемъ году, мы точно также нарушили эту легальность допущеніемъ торговли съ англичанами черезъ Архангельскъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, мы не могли не предвидѣть, что это поведетъ къ ссорѣ съ Наполеономъ, не столько по важности самихъ отступленій отъ трактата, сколько по выражавшемуся въ

нихъ духу нашей политики. Мы какъ бы давали знать Наполеону, чтобы онъ на насъ не рассчитывалъ, что мы ему не пособники, что нашихъ русскихъ интересовъ мы или не понимаемъ, или ставимъ ихъ ни во что, въ сравненіи съ болѣе дорогими нашему сердцу интересами европейскими. Чувствуя и зная, что Наполеонъ понималъ нашу политику, мы готовились къ борьбѣ съ нимъ, хотя, можетъ быть, и не ожидали, что она наступитъ такъ скоро, и потому вели войну противъ Турціи вяло, не употребляли на нее должныхъ силъ и, такимъ образомъ, изъ-за преслѣдованія европейскихъ интересовъ, лишились Молдавіи и Валахіи, упустили случай тогда еще освободить Болгарію, по крайней мѣрѣ до Балканъ, стать твердою ногою на Балканахъ и утвердить зарождавшуюся независимость Сербіи въ болѣе обширныхъ границахъ, чѣмъ это удалось впослѣдствіи Милошу. Когда непріятель вторгся въ русскіе предѣлы, по какимъ бы то ни было причинамъ, онъ, конечно, долженъ былъ быть изъ нихъ выгнанъ; но, тѣмъ не менѣе, грустно сознаніе, что Бородинская битва, оставленіе и пожаръ Москвы, разореніе значительной части государства, — были въ сущности жертвы, принесенныя нами ради интересовъ намъ чуждыхъ, и, какъ оказалось впослѣдствіи, — что, впрочемъ, и тогда можно было предвидѣть, а нѣкоторыми (Сперанскимъ, Румянцевымъ) и предвидѣлось, — не только чуждыхъ, но и прямо намъ враждебныхъ.

Какъ бы это ни показалось страннымъ, но мы смѣло утверждаемъ, что въ теченіе XIX столѣтія — Россія имѣла только одного истиннаго друга въ Европѣ, который и хотѣлъ, и могъ быть ей полезнымъ, — это Наполеона I. Дружбу эту, конечно, выгодную и для него, — въ политикѣ другой дружбы не бываетъ, да и не должно быть, — выказалъ онъ намъ дѣлами, положительными услугами, а не словами только, какъ прочіе наши друзья, нами облагодѣтельствованные, спасенные и даже возвеличенные. Онъ готовъ былъ дать намъ и гораздо сильнѣйшія доказательства своей дружбы, если бы мы только захотѣли принять ее искренно, безъ заднихъ мыслей, если бы мы рѣшились быть только русскими и ничѣмъ болѣе. Но мы предпочли быть европейцами и, ради Европы, собственными руками низвергли и погубили своего единственнаго друга, а потому, 18-го марта 1814 года, въ стѣнахъ Парижа, обвуженные торжествомъ и блескомъ побѣды — если бы ясно понимали сущность нами совершеннаго и его послѣдствія — мы точно

также какъ 19-го февраля 1878 года подъ стѣнами Константинополя, въ виду куполовъ святой Софіи, должны были бы воскликнуть: горе побѣдителямъ!

Наша десятилѣтняя, славная въ военномъ, но не въ политическомъ смыслѣ борьба противъ Наполеона не принесла намъ никакой пользы. Правда, мы получили, въ вознагражденіе нашихъ жертвъ и усилій, Царство Польское; но, не говоря уже о томъ, что то же самое и даже еще гораздо болѣе мы могли бы получить и черезъ Наполеона, вспомнимъ тѣ цѣли и намѣренія, съ которыми мы дѣлали это пріобрѣтеніе въ 1815 году. Оно должно было послужить началомъ раздробленія Россіи и возстановленіемъ Польши въ предѣлахъ 1772-го года; великое политическое преступленіе Екатерины должно было быть искуплено отторженіемъ девяти русскихъ губерній, подобно тому, какъ въ маломъ видѣ это уже было испробовано надъ Выборгской губерніей. Результатомъ этой политики были два кровавыхъ возмущенія 1830-го и 1863-го годовъ.

Кромѣ этого сомнительной пользы пріобрѣтенія, чего же мы еще добились? Мы усилили нашихъ враговъ (Англію и Австрію) и не пріобрѣли ни одного истиннаго друга и союзника. Мы связали себя на долгое время вредною для насъ политикою такъ называемой солидарности съ Европой. Мы сочли себя обязанными нести огромную военную тягость ради устрашенія революціоннаго духа въ Италіи и между германскими студентами. Мы даже смѣшали и національное движеніе Греціи съ революціоннымъ. Мы самихъ себя причислили, вопреки исторіи, этнографіи и статистикѣ, къ числу державъ, по существу своему враждебныхъ національной свободѣ, и тѣмъ связали себѣ руки относительно Грековъ и Славянъ. Этой связывавшей насъ веревки не могли разорвать войны 1828 и 1829 годовъ, она продолжала связывать и спутывать наши дѣйствія, какъ въ 1853, такъ и въ 1876, 1877 и 1878 годахъ.

Не захотѣвъ содѣйствовать планамъ Наполеона, потому что они были направлены противъ интересовъ Европы, хотя содѣйствіе это не налагало на насъ никакихъ иныхъ обязательствъ, кромѣ преслѣдованія своихъ собственныхъ, вполне законныхъ и справедливыхъ Петровскихъ и Екатерининскихъ плановъ,—мы предпочли поступить на службу къ Меттерниху съ явною уже обязанностью дѣйствовать вопреки очевиднѣйшимъ интересамъ Рос-

сіи, вопреки дѣйствительно священнымъ религіознымъ и національнымъ сочувствіямъ и стремленіямъ русскаго народа.

Стремленія и сочувствія эти не могли, однакоже, быть совершенно подавлены. Они вспыхивали отъ времени до времени въ 1828, 1853, 1876 и 1877 годахъ. Но, съ другой стороны, и противоположное имъ европейничанье въ политикѣ сохраняло свою силу. Традиція его хранилась преимущественно въ дипломатическихъ сферахъ. Поэтому и послѣ 1815-го года внѣшняя политика Россіи сохранила тотъ же характеръ двойственности, нерѣшительности, колебанія между двумя притягательными полюсами интересовъ русско-славянскихъ и интересовъ европейскихъ, который она имѣла въ началѣ столѣтія, или, правильнѣе сказать съ самой смерти великой Императрицы, при которой русская политика знала только одинъ русскій интересъ и ни о какой солидарности не заботилась. Въ этомъ заключается причина того обаянія, того ореола, которымъ окруженъ ея блистательный вѣкъ въ памяти потомства. Не собственно военные подвиги, не Кагуль, Чесма, Рымникъ, Измаиль и Прага придаютъ ея царствованію лучезарный блескъ. Русскія войска совершали послѣ нея подвиги не менѣ славные, даже еще болѣе трудные, и притомъ противъ противниковъ несравненно могущественнѣйшихъ и искуснѣйшихъ. Но эти новые подвиги, новыя побѣды: Требія, Нови, С.-Готардъ, Бородино, Лейпцигъ, двукратный переходъ черезъ Балканы и многіе другіе — отчасти неимѣли ни чего общаго съ интересами Россіи, отчасти же результаты ихъ были приносимы въ жертву чуждымъ и враждебнымъ намъ европейскимъ интересамъ, именно вслѣдствіе шаткости, неопредѣленности нашей политической точки зрѣнія, замѣнившей твердый, исключительно русскій политическій взглядъ Петра и Екатерины.

Такъ, когда, послѣ долгаго колебанія, русское направленіе политики одержало верхъ, и императоръ Николай I объявилъ войну Турціи въ 1828 году, результаты ея были умалены почти до ничтожества, въ угоду Австріи и ради соглашенія съ Англіей. Когда, по добровольному уговору съ Турціей, мы могли пріобрѣсти Молдавію и Валахію взамѣнъ контрибуціи, мы предпочли лучше простить ей часть этого долга, чѣмъ причинить неудовольствіе нашей вѣрной союзницѣ по Священному союзу.

Въ 1849 году, когда Европа, ослабленная внутренними смутами, не имѣла возможности сколько-нибудь успѣшно противиться

расширенію нашего вліянія на Востокѣ, мы опять стали на европейскую точку зрѣнія и своими руками возстановили готовую рухнуть монархію Габсбурговъ, исконную противницу нашей восточной политики. Нѣкоторые результаты венгерской войны: именно ознакомленіе венгерскихъ славянъ съ русскими и временное освобожденіе ихъ отъ мадьярскаго гнета—выставляютъ часто полезными для Россіи и Славянства. Но очевидно, что не эти, побочные, косвенные результаты имѣла въ виду русская политика, при оказаніи помощи погибавшей Австріи. Притомъ, если этотъ походъ русскихъ за Карпаты и послужилъ къ сближенію съ нами нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ и къ уничтоженію мадьярскаго гнета, тотчасъ же, впрочемъ замѣненнаго гнетомъ нѣмецкимъ, то это было лишь на короткое время, и въ концѣ концовъ послужило лишь къ его возстановленію и усиленію. Если бы же, напротивъ того, Венгрія выдѣлилась изъ состава Габсбургской монархіи,—то, слабая и ничтожная, она не могла составить сколько-нибудь дѣйствительной преграды Россіи на Востокѣ; напротивъ того, она должна была бы искать покровительства Россіи, противъ которой мадьяры не имѣли тогда никакой враждебности. При слабости своей, Венгрія точно также не могла бы держаться системы угнетенія относительно славянъ, а если бы и вздумала ея придерживаться, то это повело бы лишь къ выдѣленію славянскихъ и румынскихъ элементовъ изъ состава венгерскаго государства. Но, какъ бы это тамъ ни было,—очевидно, что помощь, оказанная Австріи въ 1849 году, была одною изъ главныхъ причинъ неудачи Восточной войны. И въ этотъ разъ, какъ много разъ прежде, наша политика съ ея европейской точкой зрѣнія болѣе всего повредила нашей политикѣ, ставшей-было въ 1853 году снова на русскую точку зрѣнія. Но и тутъ мы стали на нее опять-таки нерѣшительно, съ оглядками, какъ и въ продолженіе всего XIX столѣтія. Вмѣсто быстрого и рѣшительнаго образа дѣйствій, мы приняли систему постепенныхъ уступокъ, столь противорѣчившихъ внезапности и, можно сказать, рѣзкости перваго нашего дипломатическаго шага въ Константинополь. И, какъ всегда, послѣдствіемъ этой медленности и нерѣшительности было то, что враги наши успѣли собраться съ силами, приготовиться, соединиться и тѣмъ окончательно нанести намъ пораженіе. И тогда мы вѣрили въ благодарность Австріи, въ Священный союзъ, въ доброжелательство, честность и безкорыстіе Англіи, хотѣли сговориться, сла-

даться съ нашими противниками, которыхъ даже и не признавали за таковыхъ: и такъ же точно были обмануты въ своихъ расчетахъ, какъ и теперь, благодаря все той же двойственности нашей политики, желающей, чтобы и овцы были цѣлы, и волки сыты. Въ результатѣ же только волки и оказываются сытыми.

Изъ этого краткаго обзора исторіи внѣшнихъ отношеній Россіи въ теченіе послѣднихъ 80-ти лѣтъ, ясно оказывается, что всякое дѣйствіе Россіи, имѣвшее въ виду соблюденіе, охраненіе или возстановленіе интересовъ Европы, заставляло упускать изъ виду русскіе интересы, пренебрегать и жертвовать ими различными способами.

Напротивъ того, когда мы отбрасывали въ сторону заботу о Европѣ — мы завоевали Финляндію и, слѣдуя той же политикѣ, очевидно, могли бы сдѣлать несравненно важнѣйшія пріобрѣтенія, достигнуть гораздо существеннѣйшихъ цѣлей.

Съ другой стороны, Европа, какъ только внутреннія ея дѣла давали ей къ тому возможность, постоянно противодѣйствовала намъ всякій разъ, когда мы предпринимали что либо въ пользу свою или Славянъ, противодѣйствовала всѣми силами, какія въ данный моментъ находились въ ея распоряженіи.

Послѣ этихъ неопровержимыхъ, постоянно повторявшихся фактовъ, позволительно будетъ сдѣлать вопросъ: существуетъ ли между Россіей и Европой какая либо солидарность, какая либо общность политическихъ интересовъ? Если же, какъ показываетъ 80-ти лѣтній опытъ, этой солидарности, этой общности не существуетъ, то какимъ образомъ могутъ Россія и Европа составлять одну политическую систему государствъ? Не до очевидности ли ясно, что, по крайней мѣрѣ въ политическомъ отношеніи, Россія къ Европѣ не принадлежитъ?

У насъ твердо укоренилось убѣжденіе въ принадлежности Россіи къ Европѣ въ смыслѣ культурномъ, и изъ смѣшенія этихъ двухъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, политической и культурной, мы бьемся изо всѣхъ силъ примкнуть къ Европѣ и въ политическомъ смыслѣ, принося все большія и большія жертвы этому пагубному заблужденію. О культурно-историческомъ европеизмѣ Россіи я точно и опредѣленно высказалъ свое мнѣніе въ другомъ мѣстѣ, и теперь этого вопроса не касаюсь. Я готовъ даже согласиться (конечно, не иначе, какъ въ видѣ реторической фигуры уступленія) на эту нашу культурную принадлежность къ Европѣ.

Но что же изъ этого слѣдуетъ? Японія предприняла въ послѣднія десятилѣтія рядъ реформъ, выказывающихъ ея намѣреніе усвоить себѣ плоды европейской цивилизаціи не въ научномъ только, но и въ политическомъ и, пожалуй, даже въ бытовомъ смыслѣ. Допустимъ, что реформа эта будетъ вполне удачна и будетъ продолжать развиваться все въ томъ же европейскомъ духѣ, и что, черезъ нѣсколько десятилѣтій, это восточно-азиатское государство сдѣлается до неузнаваемости похожимъ на свои европейскіе образцы. Примкнетъ ли черезъ то Японія къ политической системѣ европейскихъ государствъ? Но оставимъ будущее и проблематическое. У насъ на глазахъ Америка, которая, въ культурномъ отношеніи, есть уже безспорно кость отъ костей и плоть отъ плоти европейской. Самые прогрессивные элементы Европы XVII столѣтія переселились за океанъ, затѣмъ освободились отъ своей метрополіи, и населеніе штатовъ постоянно пополнялось переселенцами изъ всѣхъ образованнѣйшихъ, культурнѣйшихъ странъ Европы. И что же? Принадлежатъ ли Сѣверо-Американскіе штаты къ европейской политической системѣ? Отвѣтомъ на это служить одинъ изъ политическихъ догматовъ американцевъ—ученіе Монроэ!

Но Японія отдѣлена отъ Европы всѣмъ материковымъ протяженіемъ Старога свѣта, а Америка — Атлантическимъ океаномъ, между тѣмъ какъ Россія съ нею сопредѣльна. Возраженіе совершенно ничтожное. Географія имѣетъ, правда, свое значеніе въ этомъ вопросѣ, но въ совершенно противоположномъ смыслѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ; главное дѣло состоитъ все-таки въ томъ, что между Европою, съ одной стороны, и Америкою или Японіею—съ другой, не существуетъ общности, солидарности интересовъ. Если бы онѣ существовали, то при быстротѣ и удобствахъ теперешнихъ сообщений, отдаленность не помѣшала бы ихъ принадлежности къ одной и той же политической системѣ. Географическое удаленіе, въ соединеніи съ разными другими условіями, оказываетъ то вліяніе, что интересы Европы и Америки—въ настоящемъ, интересы Европы и Японіи — въ предполагаемомъ будущемъ — совершенно другіе, болѣею частію не перекрещивающіеся, не сталкивающіеся между собою, и потому можно сказать только то, что Америка и Японія—не Европа въ политическомъ смыслѣ. Но именно сопредѣльность Россіи съ Европой причиной тому, что интересы Россіи не только иные, чѣмъ интересы Европы, но что они взаимно про-

В противоположны, что, слѣдовательно, въ политическомъ смыслѣ Россія не только не Европа, но Анти-Европа.

На чемъ же основанъ этотъ антагонизмъ? На двухъ главныхъ причинахъ, совершенно неустранимыхъ до окончательнаго торжества одной изъ сторонъ. На славянствѣ Россіи—и на стремленіи Англіи къ безспорному преобладанію на азіатскомъ материкѣ, съ которымъ связано и все ея морское владычество. Къ этому присоединяется еще и третья причина, меньшаго значенія и не столь неустранимаго свойства: противоположность между православіемъ и католицизмомъ, борцомъ за который является, впрочемъ болѣе по предразсудку и традиціи, Франція. Всѣ эти три противоположности замѣчательнымъ образомъ спутываются въ одинъ узелъ на Босфорѣ, въ Дарданеллахъ и въ Константинополѣ.

Сила и могущество Европы — въ цѣломъ — въ значительной степени покоится частью на костяхъ Славянства, частью на его потѣ, крови и слезахъ. На костяхъ Славянства основано самое существованіе, а не только могущество Пруссіи, а съ нею и могущество Германіи. Но этотъ вопросъ уже поконченъ исторіей еще въ то время, когда оплотъ Славянства, — Россія, только что зарождалась. Тѣ, на долю которыхъ выпалъ жребій охранять его въ то время—преимущественно Польша, не только не исполнили своего назначенія, но даже содѣйствовали его гибели (напримѣръ, призывомъ рыцарскаго ордена), и потому, между прочимъ, Польша и сама погибла. Непосредственный антагонизмъ между Россіей и Европой или, точнѣе, между Россіей и Германіей даже и не возникалъ по этому поводу. Но всякое дѣло человѣческое ведетъ за собою длинный, нескончаемый рядъ послѣдствій, и Германія до сихъ поръ не можетъ отрѣшиться и никогда не отрѣшится отъ своего антиславянскаго направленія. Ея политическія сочувствія всегда будутъ на сторонѣ поработителей и угнетателей Славянства, не взирая на временныя и случайныя политическія комбинаціи, не взирая на временное возбужденіе негодованія на слишкомъ уже безцеремонныхъ враговъ его—негодованія, котораго не чужды иногда бывають даже и англичане. Опытъ достаточно показалъ, что обольщаться этимъ негодованіемъ и возлагать на него надежды не слѣдуетъ. Корни исторической вражды расъ проникли слишкомъ глубоко, чтобы это могло измѣниться.

Не столь радикаленъ, какъ образъ дѣйствій сѣверныхъ нѣмцевъ, былъ образъ дѣйствій нѣмцевъ южныхъ, италянцевъ, мадь-

яръ и турокъ, и потому на юго-востокъ Европы политически могущественная Россія еще застала славянство въ живыхъ, и, не смотря на свое увлеченіе европеизмомъ, отъ времени до времени, вольно и невольно, частью вѣдѣніемъ, частью невѣдѣніемъ, оказывала ему помощь, то здѣсь то тамъ, то такъ то иначе. Всякая подобная попытка была достаточна, чтобы возбуждать противодѣйствіе Европы. Пусть биржевая политика и вообще политическій матеріализмъ говорятъ, что мы сами въ этомъ виноваты: зачѣмъ-де прерывать ходъ биржевыхъ спекуляцій изъ-за дѣла собственно до насъ не касающагося? Лучше умалиться, принизиться, чѣмъ прерывать торжественное теченіе биржевыхъ дѣлъ. Но и этотъ благой совѣтъ ничему не пособить. Всякія политическія тенденціи и направленія скоропреходящи, непостоянны, а народныя сочувствія, историческіе инстинкты неискоренимы, и нѣтъ-нѣтъ, да и прорвутся совершенно неожиданно и негадано, какъ въ 1876 году, заставятъ и политику и дипломатію выйти противъ воли изъ своей колеи, не смотря на твердо и незыблемо установившееся, по видимому, дипломатическое міросозерцаніе. Да и за самихъ политическихъ дѣятелей не только въ будущемъ, но даже и въ настоящемъ, развѣ можно поручиться? Вдругъ провернется какой нибудь Черняевъ, или Игнатъевъ, не говоря уже о Потемкиныхъ, и о другихъ русскихъ орлахъ такого-же, и даже еще болѣе высокаго полета. Это вѣдь также все въ рудѣ Божіей, какъ это и Европѣ очень хорошо извѣстно. Слѣдовательно, ни на какое миролюбіе полагаться нельзя и мѣры надо принять радикальныя. Народныя влеченія основаны на болѣе прочномъ фундаментѣ, чѣмъ вчерашнія, сегодняшнія или завтрашнія биржевыя или дипломатическія воззрѣнія. Поэтому, никакое умаленіе или приниженіе не поможетъ и въ будущемъ, какъ не помогало до сихъ поръ. Никакое любезничанье, никакія услуги, никакія уступки, жертвы, отреченія отъ самихъ себя—не помогутъ, какъ не помогали до сихъ поръ. Антагонизмъ Европы и Россіи, основанный на славянствѣ Россіи, не только сохранится по прежнему, но будетъ все возрастать и возрастать, по мѣрѣ возрастанія внутреннихъ силъ Россіи, по мѣрѣ пробужденія и уясненія народнаго сознанія, какъ Русскаго, такъ и другихъ Славянскихъ народовъ. Надо, впрочемъ, сказать, что этотъ биржевой взглядъ на дѣло, этотъ политическій матеріализмъ, никогда не руководилъ направленіемъ русской политики. Ошибки ея проистекали изъ совершен-

но инаго источника, болѣе идиллическаго свойства: отъ искренняго высокопочитанія Европы и благоговѣнія передъ нею, а иногда даже отъ тщеславнаго желанія заслужить похвалы и рукоплесканія ея ораторовъ и журналистовъ.

Въ антагонизмъ Россіи и Европы, на сколько онъ обусловливается славянствомъ Россіи — представителемъ материка Европы является Австрія, какъ наиболѣе заинтересованная въ этомъ дѣлѣ, имѣя въ резервъ за собой Германію.

Если бы Славяне жили и страдали гдѣ-нибудь въ глубинѣ материка, а не по сосѣдству съ столь жизненными пунктами, какъ Босфоръ и Дарданеллы, англичане довольно равнодушно смотрѣли бы на наше заступничество за угнетенныхъ братьевъ, пожалуй, даже сочувствовали бы ему, такъ какъ склонны къ филантропіи, если она не противорѣчитъ болѣе существеннымъ британскимъ интересамъ. Но теперь, страна, гордящаяся сочувствіемъ всѣмъ угнетеннымъ народамъ, подаетъ руку на самое жестокое угнетеніе, на самое ужасное тиранство, какое только видѣлъ міръ въ новѣйшее время, потому, что, по ея мнѣнію, освобожденные Славяне сдѣлаются сторонниками, друзьями, союзниками Россіи, и жизненный узелъ стараго свѣта — Босфоръ и Дарданеллы попадутъ въ зависимость Россіи, могущей получить черезъ это возможность угрожать всемірному морскому владычеству Англіи, котораго послѣдняя добивалась въ теченіи всей новѣйшей исторіи, съ самаго царствованія Елизаветы. Войны противъ всѣхъ государствъ, обладавшихъ заморскими колоніями, составляютъ сущность англійской политики за все это время, и Англія предпринимала ихъ подъ видомъ охраненія европейскаго равновѣсія. Сначала чередъ былъ за Испаніей, потомъ за Франціей, во время Людовиковъ XIV, XV, XVI, революціи и Наполеона. Присоединеніе Голландіи къ Франціи дало желанный предлогъ овладѣть наиболѣе важными колоніями и этой послѣдней. Такимъ образомъ, почти всѣ колоніи европейскихъ государствъ подпали подъ власть Англіи или подъ ея преобладающее вліяніе. Посредствомъ этихъ же войнъ, веденныхъ якобы изъ-за охраненія европейскаго равновѣсія, а также посредствомъ отдѣльныхъ захватовъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, очутились во власти Англіи: главные проливы — Гибралтаръ. Перимъ, Сингапуръ; острова при входахъ во внутреннія моря, какъ напримѣръ Малые Антильскіе; центральные пункты во внутреннихъ моряхъ, какъ Мальта, Ямайка; прибрежные острова, составляющіе сторо-

живые, наблюдательные пункты, какъ Гольголандъ, Гонгъ-Конгъ, Кипръ; пункты перекрещенія океанскихъ путей, какъ островъ св. Елены, мысъ Доброй Надежды; наконецъ, цѣлыя материки или обширныя тропическія страны, какъ Австралія и Индія.

Но чтò собственно значить всемірное морское владычество? Непосредственно море никакому владычеству не поддается. Одно торговое преобладаніе, доставляемое обиліемъ капиталовъ, развитіемъ промышленности, обширностью коммерческихъ сношеній—непрочно, какъ доказалъ примѣръ Ганзы, италіанскихъ республикъ, Голландіи. Переведенное на общепонятный языкъ, морское владычество означаетъ политическую власть, или, по меньшей мѣрѣ, почти исключительное преобладающее политическое вліяніе во всѣхъ частяхъ свѣта, туземныя государства которыхъ не обладаютъ достаточнымъ военнымъ могуществомъ, для сопротивленія собственными силами флотамъ и десантамъ владычицы морей. Въ такомъ именно положеніи и находятся всѣ части свѣта, кромѣ Европы и Сѣверной Америки. Австралія принадлежитъ ужь безспорно Англіи. Африка пока не имѣетъ большаго значенія по недоступности ея внутренности, но и на этомъ континентѣ преобладаніе Англіи безспорно. Южная Америка находится подъ политическимъ и торговымъ вліяніемъ Англіи. На Сѣверную Америку, со времени усиленія Соединенныхъ Штатовъ, всякая надежда потеряна. Остается, слѣдовательно, для довершенія всемірнаго морскаго владычества, утвердить власть Англіи надъ обширнѣйшимъ и богатѣйшимъ азіатскимъ материкомъ. Лучшія страны его уже подчинены Англіи. Въ сохраненіи и распространеніи этой власти надъ Азіей и заключается въ настоящее время для Англіи весь вопросъ о всемірномъ владычествѣ. И тутъ-то именно, съ того времени, какъ Россія собственными руками низвергла послѣдняго и самаго страшнаго изъ прежнихъ противниковъ Англіи—Наполеона, является она новымъ противникомъ Англіи, уже не въ видѣ морской, а чисто континентальной державы. Россія, и только одна Россія имѣетъ возможность угрожать Индіи, въ случаѣ нужды подать помощь Китаю, защитить Персію и, вслѣдствіе ослабленія Турціи, съ одной стороны, овладѣть проливами, и черезъ нихъ угрожать кратчайшему пути сообщенія съ Индіей, съ другой же, по сосѣдству, сдѣлаться наслѣдницею богатѣйшихъ странъ Азіатской Турціи. Опасеніе это и выразилось въ оборонительномъ союзѣ Англіи съ Турціей, посредствомъ котораго она

овладѣла Кипромъ. Воспользуется ли Россія своимъ положеніемъ, захочетъ ли противодѣйствовать Англіи въ ея обладаніи лучшими частями Азіи, явится ли она, такимъ образомъ, противникомъ ея всемірнаго морскаго владычества — этого Англія не разбираетъ. Она ничѣмъ не хочетъ быть обязанной, ни умѣренности, ни расчету, ни великодушію своею противника, но стремится утвердить свое владычество единственно на собственной своей силѣ. При этомъ, какъ оказывается изъ ея послѣднихъ дѣйствій, Англія не хочетъ довольствоваться сохраненіемъ своей Индѣйской имперіи, чѣмъ прежде оправдывала свой образъ дѣйствій относительно Россіи, но имѣетъ очевидное намѣреніе прибрать къ своимъ рукамъ, какъ Афганистанъ, такъ и открывающееся, по ея собственнымъ словамъ, наслѣдство въ Сиріи, Месопотаміи и Малой Азіи.

Собственно говоря, такое преобладаніе Англіи надъ азіатскимъ материкомъ не можетъ быть пріятно другимъ европейскимъ государствамъ; но здѣсь-то и является на помощь Англіи славянскій вопросъ. Англія, подобно тому, какъ она отняла всѣ лучшія колоніи другихъ европейскихъ государствъ, прикрывшись маскою заботы о сохраненіи европейскаго равновѣсія, подъ видомъ противодѣйствія господству Филиппа II, Людовика XIV и Наполеона, чѣмъ и заслужила любовь и уваженіе Европы, — такъ и теперь пользуется тѣмъ же предлогомъ, принимая на себя охраненіе Европы отъ грознаго панславизма.

Къ этимъ двумъ главнымъ и неустранимымъ причинамъ антагонизма между Россіей и Европой, неустранимымъ потому, что если бы Россія, по совѣту нашихъ биржевыхъ политическихъ матеріалистовъ, даже отказалась отъ исполненія обязанностей, налагаемыхъ на нее ея славянствомъ, и отъ всѣхъ выгодъ своего положенія въ Азіи (что она почти постоянно и дѣлаетъ), то это нисколько не обезоружило бы ея враговъ, которые всѣ, подобно Англіи, основываютъ свою политику не на миролюбіи въ расчетахъ, не на ложномъ и неумѣстномъ великодушіи Россіи, а на самой сущности вещей, независимой ни отъ какихъ политическихъ самоограниченій, — къ этимъ двумъ главнымъ и неустранимымъ причинамъ присоединяется еще третья, по моему мнѣнію, не столь существенная — это защита католическихъ интересовъ на Востока. Защита интересовъ католичества совсѣмъ не то, что защита интересовъ православія. Послѣднее ничего болѣе не требуетъ, какъ устраненія угнетеній, которыя претерпѣваютъ православные; католичество же,

какъ всегда и вездѣ, гдѣ только можетъ, домогается не свободы, а господства и преобладанія надъ прочими христіанскими исповѣданіями, въ особенности же надъ православіемъ, для чего готово даже заключить союзъ съ исламомъ. Защитницею этихъ интересовъ, не по дѣйствительному къ нимъ сочувствію, а по предразсудку и традиціи, является Франція.

По небывалому, исключительному совпаденію обстоятельствъ, которое никогда болѣе не повторится, эти три причины антагонизма устранялись преобладаніемъ Наполеона въ Европѣ. Англ.
Сокрушить могущество Англіи было его главною цѣлью, ради которой онъ готовъ былъ пожертвовать многимъ; — но и жертвовать ему ничѣмъ не приходилось, потому что освобожденіе и возвеличеніе Славянства могло состояться лишь ко вреду и къ ущербу другаго враждебнаго ему элемента въ Европѣ, элемента германскаго. Франц.
Наконецъ, нежеланіе папы войти въ его планы, несмотря на всѣ соблазны и прельщенія, не допускало Наполеона принять на себя защиту интересовъ католичества, вліяніе котораго, при томъ же, вскорѣ послѣ революціи было слабо и ничтожно во Франціи. Поэтому-то Наполеонъ и былъ прирожденный врагъ Европы и, слѣдовательно, другъ Россіи. Интересы его были антиевропейскіе, точно также, какъ и интересы Россіи. Онъ понималъ это тогдашнее тождество интересовъ Франціи и Россіи, но Россія, прельщенная своимъ недавнимъ европеизмомъ, не понимала и не хотѣла этого понять. Она не понимаетъ и не хочетъ понять и теперь своего кореннаго, ничѣмъ не устранимаго антагонизма съ Европой, обольщаясь мнимою и невозможною съ нею солидарностью. Европа же, освобождаясь отъ своего грознаго властителя, сейчасъ же это поняла и продолжаетъ понимать до сихъ поръ.

Мы слышимъ, однако, нерѣдко вопросъ: чтò такое Европа? Есть, говорятъ, европейскія государства, но никакой Европы въ политическомъ смыслѣ не существуетъ. Когда Пруссія и Австрія отнимали у Даніи Шлезвигъ и Гольштинію, когда затѣмъ Пруссія присвоила одной себѣ эту сообща пріобрѣтенную добычу, когда она разрушила утвержденный и санкціонированный всѣми государствами Европы Германскій союзъ, когда присоединяла къ себѣ родственныя Англіи Ганноверъ, Гессенъ-Кассель, Нассау и вольный городъ Франкфуртъ, а затѣмъ отобрала у Франціи двѣ богатѣйшія провинціи; когда Сардинія, при помощи революціи, изгоняла неаполитанскаго короля и присваивала себѣ его владѣнія и овла-

дѣла Римомъ; когда, наконецъ, подъ шумокъ Берлинскаго конгресса — собранія, обезпечивавшаго такъ называемую Европу отъ властолюбія и притязательности Россіи, — Англія овладѣла Кипромъ и наложила свой протекторатъ на азіатскія владѣнія султана, — гдѣ была при всемъ этомъ Европа? Не думаемъ, чтобы такое сомнѣніе было основательно. Европа не географическая (этой, пожалуй, что и нѣтъ), не культурная только, а именно Европа, какъ политическое цѣлое, какъ политическій организмъ, существуетъ несомнѣнно. Мнимое противорѣчіе бездѣйствія въ однихъ случаяхъ и напряженнѣйшей дѣятельности въ другихъ — очень легко примиряется, и новѣйшія событія, въ особенности овладѣніе Кипромъ, именно и подтверждаютъ существованіе Европы, какъ политическаго цѣлага.

Всякій организмъ — будетъ ли то индивидуальный, какъ человекъ, или сложный, какъ государство, или коллективный, какъ система государствъ, — получаетъ сознаніе о своемъ отдѣльномъ бытіи только при пробужденіи сознанія своей противоположности чему либо. Человекъ сознаетъ себя какъ самостоятельное, отдѣльное *я*, потому только, что органы чувствъ доставляютъ ему свѣдѣтельство о существованіи вѣшняго міра — *не-я*, которое оказываетъ на него воздѣйствіе. Если бы на землѣ существовалъ только одинъ народъ, то понятіе о національности не могло бы родиться. Греки, не взирая на то, что въ культурномъ смыслѣ противопоставляли себя другимъ народамъ — варварамъ, и даже не взирая на то, что имѣли нѣкоторые учрежденія общія всѣмъ греческимъ государствамъ, знали только Спартанское, Аѣинское и проч. государства, но не имѣли понятія о Греціи, какъ о политическомъ цѣломъ, пока оно не пробудилось въ нихъ борьбою съ Персами. Также точно и государства Европы получили понятіе о себѣ, какъ о политическомъ цѣломъ, отъ противоположенія мусульманскому Востоку. Вслѣдствіе борьбы съ нимъ явилось сознаніе о себѣ, какъ о религіозномъ и политическомъ цѣломъ, которое называлось тогда не Европою, а всѣмъ христіанствомъ — *toute la Chrétienté*. Понятно, что и въ настоящее время сознаніе о политическомъ цѣломъ, именуемомъ Европою, точно также является результатомъ сознанія существованія чего-то ей политически противоположнаго, а это противоположное, эта Анти-Европа, и есть Россія и представляемый ею Славянскій міръ. Европа терпѣла всѣ иллегальности, сопровождавшія созданіе италіанскаго и германскаго единства,

потому что то были внутреннія явленія, только нѣсколько усилившія одни и нѣсколько ослаблявшія другіе ея элементы,—явленія, которыя поэтому могли возбудить лишь частное противодѣйствіе отдѣльныхъ государствъ. Англія овладѣваетъ Кипромъ. Это никому не можетъ быть пріятнымъ, для нѣкоторыхъ довольно безразлично, для другихъ, какъ для Франціи и Италіи, крайне невыгодно, даже оскорбительно; но это не возбуждаетъ противорѣчія и борьбы, потому что сообразно съ интересами цѣлаго, т. е. Европы въ виду ея антагонизма съ Россіей. Дѣйствіе это, иллегальное по формѣ, дерзкое по выбранному для него времени, однакоже допускается безъ протеста, потому что оно направлено противъ общаго врага—Россіи. Хищническое овладѣніе островомъ, съ явною цѣлью воспользоваться имъ для захвата всего азіатскаго наслѣдія Турціи, имѣетъ одно свойство, которое искупаетъ всю неправду его даже въ глазахъ ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ государствъ—это есть актъ враждебный Россіи. Этого довольно, чтобы освятить это насиліе въ глазахъ Европы. Это ли еще не доказательство существованія Европы, какъ политическаго цѣлаго, когда не что иное какъ именно интересы этого цѣлаго заставляютъ замолкнуть интересы отдѣльныхъ государствъ, чувствительнымъ образомъ нарушенные? Явное нарушение равновѣсія на Средиземномъ морѣ получаетъ названіе охраны этого равновѣсія. Европа, какъ цѣлое, торжествуетъ здѣсь надъ отдѣльными интересами Франціи и Италіи. Такіе положительные и незабѣчивые дѣятели, какъ англійскіе государственные люди, конечно, пользуются общеевропейскимъ направленіемъ для достиженія своихъ частныхъ цѣлей и, конечно, всѣ это видятъ, но тѣмъ не менѣе прощаютъ это отважному бойцу за его общеевропейское дѣло. Свобода проливовъ считается общеевропейскимъ интересомъ, только подъ вліяніемъ опасенія, что иначе они перейдутъ подъ власть Россіи; но пусть свобода эта будетъ нарушена Англіей, пусть займетъ она Тенедосъ или даже сами Дарданелльскіе замки, какъ, по слухамъ, она обнаруживаетъ къ тому поползновенія—никто противъ этого и не шикнетъ.

Что же такое Европа въ политическомъ смыслѣ? Это есть совокупность европейскихъ государствъ, сознающихъ себя какъ одно цѣлое, интересы котораго противоположны интересамъ Россіи и Славянства. Инаго значенія и смысла, кромѣ этой постоянной враждебности къ намъ, политическая Европа, конечно, не имѣетъ.

Со стороны Европы этотъ антагонизмъ есть не только фактъ существующій, но и фактъ ясно и отчетливо сознаваемый; со стороны же Россіи и Славянства онъ не болѣе какъ фактъ существующій, но, къ сожалѣнію, еще недошедшій до ихъ сознанія.

Если настоящая война, всѣ ея жертвы, все горе нами перенесенное, всѣ ошибки нами сдѣланныя, все криводушіе нашихъ противниковъ и союзниковъ, всѣ оскорбленія нами претерпѣнныя — будутъ имѣть своимъ результатомъ, что фактъ этотъ достигнетъ наконецъ до нашего сознанія, станетъ нашимъ политическимъ догматомъ, то, не смотря на всю горечь испитой нами чаши, мы не напрасно воевали, не напрасно тратили достоиніе и кровь Россіи. Такой результатъ былъ бы драгоцѣннѣе всякихъ матеріальныхъ приобрѣтеній, всякаго видимаго успѣха, даже такого какъ овладѣніе проливами и водруженіе креста на куполѣ святой Софіи.

Отыскивая основную причину нашей политической неудачи, послѣ блистательнѣйшихъ военныхъ успѣховъ, мы нашли ее въ направленіи нашей политики въ теченіе всего XIX столѣтія, которая, не смотря на кажущійся блескъ нѣкоторыхъ эпизодовъ нашей новѣйшей исторіи, была въ сущности одною огромною неудачей и которая, послѣ не только блистательной, но и плодотворной внѣшней государственной дѣятельности XVIII столѣтія, завершилась на нашихъ глазахъ подчиненіемъ почти всѣхъ турецкихъ земель, какъ освобожденныхъ, такъ и не освобожденныхъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, преобладающему вліянію нашихъ отъявленнѣйшихъ враговъ — Англіи и Австріи. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взвѣсить, съ одной стороны, результаты политики Россіи въ XIX вѣкѣ, сравнительно съ результатами, достигнутыми политикою другихъ государствъ; съ другой же — сравнить результаты нашей внѣшней политики въ XIX и въ XVIII вѣкахъ.

Объ Англіи собственно нечего и говорить. Вся ея исторія въ теченіи XIX вѣка есть рядъ непрерывныхъ торжествъ. Она побѣдила всѣхъ враговъ своихъ не собственными силами, а искусствомъ заставлять, какъ друзей, такъ и враговъ своихъ, работать для достиженія ея цѣлей и тѣмъ утвердила свое владычество во всѣхъ частяхъ свѣта. Австрія и Пруссія грызлись за нее противъ Наполеона и довели себя до гибели, отъ которой избавились лишь благодаря Россіи, которая также почти непрерывно, въ теченіе

15-ти лѣтъ, враждовала, преимущественно изъ-за англійскихъ интересовъ, съ Наполеоновскою Франціей, единственнымъ государствомъ, предлагавшимъ ей свою искреннюю, на обоюдныхъ выгодахъ основанную и дѣлами, а не словами доказанную дружбу. Подобнымъ же образомъ умѣла Англія заставить наслѣдника великаго Наполеона способствовать ея планамъ противъ Россіи, съ которою она вступила во враждебныя отношенія тотчасъ послѣ пораженія, преимущественно руками Россіи же, великаго Императора. Собственныя силы Англіи ничтожны и все болѣе и болѣе уменьшаются, по мѣрѣ того, какъ умалется значеніе флотовъ въ рѣшеніи великихъ международныхъ распрей. Ея могущество и сила—одинъ призракъ, и если, не взирая на это, успѣхи ея столь поразительны, то это доказываетъ, что міромъ политическимъ управляетъ не столько самая сущность вещей, сколько тѣ, болѣею частью невѣрныя и предразсудочныя понятія, которыя люди составляютъ себѣ о ней. Чтобы побѣдить Англію, надо только имѣть смѣлость посмотрѣть на вещи прямыми глазами, отрѣшиться отъ предразсудковъ, давно уже потерявшихъ всякій смыслъ. Но, каковы бы ни были силы Англіи, она никогда не употребляла ихъ иначе, какъ въ свою собственную пользу; никогда не вела войнъ въ чьихъ либо чужихъ интересахъ; никогда не задумывалась бросить союзника, если уже выжала изъ него всю пользу, которую онъ могъ ей доставить; никогда не упускала случая воспользоваться расположеніемъ политическихъ созвѣздій. Однимъ словомъ, политика ея была прямою противоположностью политикѣ русской—въ чемъ и заключается вся ея сила.

Пруссія, изъ маленькаго государства, спасеннаго отъ конечной гибели Россією, освобожденнаго ея помощью изъ подчиненнаго, вассальнаго положенія, — собственнымъ искусствомъ, неутомимыми трудами, направленными къ никогда неупускаемой изъ вида цѣли, но все-таки при прямомъ содѣйствіи Россіи, возвысила себя до значенія первой европейской державы. Въ политикѣ ея встрѣчаются ложные шаги, несообразные съ ея дѣйствительными силами, какъ въ 1806 году; въ ней были моменты слабости, какъ въ 1848 г.; но все же Пруссія постоянно имѣла въ виду не постороннія и чуждыя ей, а свои собственныя чисто-прусскія цѣли; прусскую окраску сѣмѣла она дать и общегерманскимъ стремленіямъ. Нечего и упоминать, что всѣ 8 войнъ, веденныхъ Пруссіей въ XIX столѣтіи, изъ воихъ было 6 удачныхъ и 2 неудачныхъ,

имѣли въ виду лишь прусскіе, а также и германскіе интересы, которые она слила съ прусскими, — и ничего кромѣ нихъ. При этомъ, сознавъ разъ историческую законность и справедливость своихъ цѣлей, она не останавливалась передъ нарушеніемъ дипломатической легальности, хотя стоявшія на пути ея преграды были не чета Парижскому трактату. Ее не устроили ни Лондонскій договоръ, гарантировавшій цѣлость и неприкосновенность Датской монархіи; ни еще болѣе торжественный, всеевропейскій актъ Вѣнскаго конгресса, установившій Германскій союзъ; ни права независимыхъ германскихъ государей Ганновера, Гессенъ-Касселя и Нассау; ни права вольнаго города Фракфурта.

Еще блистательнѣе — успѣхъ, увѣнчавшій политику законнаго національно-историческаго эгоизма Италіи, или, точнѣе сказать, ничтожнаго, третье степеннаго Сардинскаго королевства, преобразовавшагося въ первостепенное государство.

Австрія, конечно, не могла преслѣдовать національныхъ цѣлей въ своей политикѣ, ибо самое бытіе ея есть отрицаніе идеи національности. Но за то австрійская политика постоянно преслѣдовала свои династическія цѣли, которыя, по необходимости, замѣняютъ для нея цѣли національныя. Послѣ крушенія Меттерниховой системы, Австрія приняла политику болѣе рискованную и потерпѣла сильныя неудачи; но въ настоящее время она вознаграждаетъ ихъ на счетъ Россіи и Славянства, постоянно ею оскорбляемыхъ, и поприще своихъ интригъ перемѣстила съ Апеннинскаго на Балканскій полуостровъ. Войны ея были большею частію неудачны — именно пять изъ девяти, веденныхъ ею въ теченіи XIX вѣка; а между удачными была лишь война противъ Даніи — основанная на ложномъ расчетѣ; но тѣмъ не менѣе, всѣ ея войны и всѣ ея союзы имѣли постоянно въ виду лишь Габсбургскіе династическіе интересы. Результаты этой политики были далеко не столь блистательны, какъ результаты политики англійской, прусской и италіанской, и значеніе Австріи, сравнительно съ началомъ столѣтія, въ особенности же въ сравненіи съ временемъ, послѣдовавшимъ за 1815 годомъ, потерпѣло значительный ущербъ. Но, если мы примемъ во вниманіе ничтожность внутреннихъ силъ Австріи, столь справедливо оцѣненныхъ графомъ Дерби, антагонизмъ составляющихъ ее элементовъ, наконецъ, самое ея географическое положеніе, по которому она окружена со всѣхъ сторонъ сознательными или безсознательными врагами, — то нельзя не удивляться достигнутымъ

ею результатамъ. Подобно аббату Сіэсу, проведенному бурное время конвента, не попавъ на эшафотъ, она можетъ съ гордостью отвѣчать на вопросъ: что дѣлала она въ теченіи трехъ четвертей столѣтія? — *j'ai vécu*. Этимъ сохраненіемъ своего существованія обязана она все той же политикѣ, постоянно преслѣдующей свои, а не чужія цѣли, которая такъ возвысила Англію, Пруссію и Италію.

Если политическое положеніе четырехъ разсмотрѣнныхъ нами государствъ усилилось, или, по крайней мѣрѣ, осталось приблизительно на той же точкѣ, какъ и въ началѣ столѣтія, то нельзя того же сказать про Францію. Въ настоящее время ея положеніе, очевидно, менѣе благоприятно, не только чѣмъ въ блистательные дни обоихъ Наполеоновъ, но и чѣмъ во времена Луи-Филиппа. Оно, въ теченіе всего столѣтія, безпрестанно колебалось, то возвышаясь, то опускаясь. Но сообразно съ этимъ и французская политика отличалась непостоянствомъ направленія. Она не преслѣдовала одной національной цѣли, а часто служила орудіемъ для чуждыхъ и постороннихъ ей цѣлей, различаясь однако тѣмъ отъ политики Россіи, что эти уклоненія не носили на себѣ систематическаго характера, а были послѣдствіемъ увлеченія то однимъ, то другимъ политическимъ предразсудкомъ. Замѣчательно, что судьба Франціи, главнѣйшимъ образомъ, зависѣла отъ ея отношеній къ Россіи. Въ началѣ—вина ихъ враждебныхъ отношеній, столько повредившихъ обѣимъ, падаетъ вполнѣ на Россію; съ половины же столѣтія—исключительно на Францію. Между тѣмъ какъ Англія, Австрія даже Германія, сверхъ общеевропейскихъ причинъ вражды къ Россіи, имѣютъ каждая свои особые побудительныя причины къ этой враждебности,—Франція этого послѣдняго рода причинъ не имѣетъ. Поэтому Наполеонъ I, котораго судьба поставила въ антагонизмъ съ Европой и который слѣдовалъ чисто французской политикѣ, всегда искалъ союза съ Россіей. Вотъ почему также, враждебность къ Россіи, приносящая другимъ непосредственныя выгоды,—Франціи всегда вредила не менѣе, чѣмъ Россіи.

Положеніе Россіи въ началѣ столѣтія, послѣ столь блистательной и успѣшной національной политики Екатерины, было самое благоприятное. Всѣ наперерывъ искали ея дружбы, и она была истинною рѣшительницею судебъ Европы. Мы уже говорили, въ какую сторону должно было бы направить ее ясное пониманіе своихъ цѣлей и интересовъ. Чего бы не могла она достигнуть, слѣдуя этому пути? Играя вторую роль при Наполеонѣ, она не-

избѣжно заняла бы первую послѣ его смерти, когда неминуемо должна была возгорѣться война между поработенною Европой и поработившею ее Франціей. Руки Россіи были бы развязаны. Константинополь и проливы легко сдѣлались бы ея достояніемъ. Но она избрала ложный путь, употребляя свои матеріальныя и нравственныя силы, собранныя Екатериной, въ интересахъ своихъ прирожденныхъ противниковъ, которые не могли обратиться въ друзей, не смотря на личное расположеніе людей, заправлявшихъ ихъ политикою. Но, тѣмъ не менѣе, значеніе этихъ силъ, независимо отъ ихъ правильнаго или неправильнаго употребленія, что могло обнаружиться лишь въ послѣдствіи, давало ей неоспоримое первенство въ Европѣ. Но первенство это было только видимое, кажущееся. Силы европейскихъ государствъ, Англіи, Пруссіи и Австріи, были употребляемы для достиженія ихъ собственныхъ цѣлей. Силы Россіи содѣйствовали имъ въ этомъ, а собственныя ея цѣли были пренебрежены, забыты. Поэтому, весьма естественно, что первенство Россіи могло сохраниться только до тѣхъ поръ, пока она довольствовалась внѣшностью, формою, продолжая напирать свои силы и употреблять свое вліяніе все для тѣхъ же чуждыхъ ей цѣлей, какъ это было въ эпоху конгрессовъ, въ первые годы греческаго возстанія, даже въ 1828 и 1829 годахъ, когда она, ради этихъ цѣлей и интересовъ, почти не воспользовалась плодами своихъ побѣдъ; наконецъ, въ 1849 г., когда она спасла Австрію, и въ 1851, когда она своимъ словомъ разняла, готовыхъ броситься другъ на друга, своихъ союзниковъ. Но, какъ только Россія захотѣла употребить въ свою пользу этотъ союзъ, который поддерживала съ такими жертвами, не требуя, впрочемъ, ничего кромѣ честнаго и дружественнаго нейтралитета, — союзъ рушится. Рушится и преобладаніе Россіи, изъ котораго она, во все время его существованія, не извлекла для себя ни малѣйшей пользы, — и переходитъ къ Франціи, и тоже не на пользу, а отъ нея, опять-таки при содѣйствіи Россіи, къ Германіи.

Послѣдняя побѣдоносная война ставитъ Россію, вслѣдствіе все того же политическаго направленія, въ положеніе во многихъ отношеніяхъ худшее, чѣмъ Парижскій миръ. Это не фраза, внушенная разочарованіемъ отъ неосуществившихся надеждъ, — а горькая дѣйствительность, доказываемая сравненіемъ тѣхъ уступокъ, которыя сдѣлала Россія на Парижскомъ и на Берлинскомъ конгрессахъ.

Территоріальныя уступки 1856 года ограничивались клочкомъ Бессарабіи, весьма важная часть которой намъ и теперь не возвращается, а возвращаемая теряетъ всякое значеніе вслѣдствіи перехода Добруджи и части собственной Болгаріи къ враждебной намъ Румыніи. Теперь же уступлена нами вся забалканская Болгарія, урѣзана Черногорія, возвращены Баязедъ и Алашкертская долина. Всѣ эти земли вѣдь принадлежали намъ, или нашимъ друзьямъ и союзникамъ, хотябы и короткое время.

Въ 1856 году мы должны были отказаться отъ протектората надъ Сербіей, Молдавіей и Валахіей. Уступка неважная, чисто формальная, которая только избавляла Россію отъ обязанности наблюдать за славянскимъ движеніемъ въ Сербіи, и дала возможность помогать и содѣйствовать ему. Отказъ отъ протектората не помѣшалъ однако проходу русскихъ войскъ черезъ Румынію. Притомъ протекторатъ этотъ замѣнялся чисто номинальнымъ протекторатомъ Европы, который нисколько не увеличивалъ ея дѣйствительнаго вліянія въ ущербъ Россіи. Теперь же Румыніа поставлена въ прямой антагонизмъ съ Россіей; Черногорія отдана подъ полицейскій надзоръ Австріи; Черногорія и Сербія поставлены въ торговую отъ Австріи зависимость, за которою, по естественному ходу вещей, не замедлитъ послѣдовать и зависимость политическая; цѣлыя двѣ славянскія провинціи пріобрѣтаются Австріею, изъ рукъ которой ихъ гораздо труднѣе будетъ вырвать, чѣмъ изъ рукъ разваливающейся Турціи. Однимъ словомъ, значеніе и вліяніе Россіи на западѣ Балканскаго полуострова безспорно уменьшилось сравнительно съ порядкомъ вещей, установленнымъ Парижскимъ трактатомъ. Значеніе же Австріи возросло въ огромныхъ размѣрахъ, ибо сопротивленіемъ, встрѣченнымъ австрійцами при занятіи Босніи и Герцеговины, нечего увлекаться. Оно уже сломлено и послужитъ еще предлогомъ къ окончательному утвержденію австрійской власти въ этихъ мѣстахъ. То же придется сказать и о значеніи и вліяніи Россіи, сравнительно съ значеніемъ и вліяніемъ Англіи, къ югу отъ Балканъ. Сверхъ этого, вся Азіатская Турція поступаетъ подъ протекторатъ Англіи. Европѣ казалось нестерпимымъ, что, по Кучукъ-Кайнарджискому трактату, Россія имѣла право вмѣшательства въ пользу христіанскихъ подданныхъ Турціи; теперь же это вмѣшательство по всѣмъ отраслямъ управленія передается Англіи, къ ея величайшему удовольствію.

По Парижскому трактату, Черное море было объявлено ней-

тральнымъ, ни чьи военные флоты не должны были на немъ появляться; а теперь появленіе англійскаго флота будетъ зависѣть отъ произвола султана, а произволъ султана — отъ приказаній Англіи. Россія не должна была имѣть приморскихъ крѣпостей на Черномъ морѣ. На сколько этотъ пунктъ касался національнаго достоинства Россіи, на столько и теперь, хотя и въ болѣе вѣжливой формѣ, Батумъ составитъ такую же неполную собственность Россіи, какъ прежде Севастополь и другіе прибрежные пункты, «ради нѣкотораго обезпеченія свободы Чернаго моря», какъ изволилъ выразиться Салисбюри въ парламентѣ. Сверхъ всего этого намъ угрожаетъ еще занятіе Англіею Тенедоса, если даже и не самихъ Дарданелльскихъ замковъ.

Но, можетъ быть, эти невыгоды уравниваются пріобрѣтеніями, сдѣланными Россіей: основаніемъ вассальнаго Болгарскаго княжества до Балканъ, пріобрѣтеніями въ Малой Азіи, возвращеніемъ клочка Бессарабіи? Но Болгарскій народъ едва ли можетъ быть доволенъ этою полумѣрою, которою, отдѣленные отъ него братья преданы эллинизациі, румынизациі и, только формально ограниченному, произволу турокъ. Всякій по себѣ знаетъ, что обманутая надежда оставляетъ болѣе горечи въ сердцѣ, чѣмъ неосуществленное желаніе. Какъ Болгары, такъ и прочіе Славяне будутъ видѣть въ своей неудачѣ—бесиліе Россіи и будутъ обращаться за помощію уже не къ ея силѣ, а къ благорасположенію Европы, что, впрочемъ, имъ и рекомендуется; и это благорасположеніе будетъ даваться имъ по мѣрѣ ихъ отчужденія отъ Россіи. Поклонись мнѣ—и всѣ блага земныя будутъ принадлежать тебѣ—будетъ имъ обѣщано. Многіе ли устоятъ противъ такого искушенія? Единственная горькая надежда, на которую мы еще можемъ положиться, основана, какъ я уже говорилъ, на томъ, что ненависть къ Славянству переселить политическій расчетъ. Что касается до Малой Азіи, то очевидно, что сравнительно неважныя пріобрѣтенія, тамъ сдѣланныя, не уравниваютъ перехода всего остальнаго въ болѣе или менѣе замаскированное распоряженіе Англіи. Клочекъ же Бессарабіи съ избыткомъ оплачивается враждебностью Румыніи, значеніе которой усиливается распространеніемъ ея территоріи на правый берегъ Дуная.

Но оставимъ частности и взглянемъ на общее положеніе Россіи въ восточныхъ дѣлахъ. Политика Россіи, по отношенію къ Турціи, очевидно, можетъ быть двоякою: 1) Или Турція должна

оставаться достаточно сильною, для охраненія своей самостоятельности. Въ этомъ случаѣ рѣшеніе вопроса, интересующаго Россію, предоставляется будущему, причемъ шансы этого рѣшенія въ пользу или во вредъ Россіи остаются неизвѣстными, и задача ея—наклонить ихъ сообразно своимъ выгодамъ—остается открытою. Турція можетъ, конечно, подпасть въ этомъ случаѣ болѣе или менѣе сильному вліянію враждебныхъ Россіи государствъ, какъ передъ Крымскою войною; но можетъ также подчиниться вліянію Россіи, какъ во время Хункиаръ-Скелесскаго договора, или передъ сверженіемъ Абдуль-Азиса. Проливы, составляющіе настоящій узелъ вопроса, съ политической точки зрѣнія остаются во власти самостоятельнаго государства, ревниво охраняющаго свою самостоятельность, въ чемъ для Россіи не заключается ни оскорбленія, ни непосредственной опасности. Съ этой точки зрѣнія смотрѣла Россія на вопросъ при заключеніи Аріанопольскаго мира; она же имѣлась въ виду и въ Парижскомъ трактатѣ. 2) Или Россія должна ослабить Турцію до лишенія ея всякаго самостоятельнаго значенія. Была ли такая политика своевременна или нѣтъ, но самый смыслъ войны за освобожденіе Болгаръ не допускалъ уже инаго рѣшенія, а нашъ военный успѣхъ его оправдывалъ. Но въ такомъ случаѣ, ослабленная Турція должна была подпасть подъ полную и исключительную зависимость отъ Россіи. Очевидно, что именно эта цѣль имѣлась въ виду при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, что только она одна и согласовалась съ интересами Россіи, ибо въ противномъ случаѣ Турція неминуемо подпадала подъ зависимость отъявленныхъ враговъ и противниковъ Россіи—Англіи и Австріи. Никакой середины тутъ быть не могло. Наступилъ кризисъ, и исходъ получился самый неблагопріятный.

Турецкая часть Восточнаго вопроса, не менѣе чѣмъ вопросъ Польскій, составляетъ узелъ внѣшней политики Россіи со временъ Петра. Все, что во внѣшней дѣятельности Россіи не имѣло въ виду ихъ правильнаго рѣшенія, было отклоненіемъ отъ настоящей ея цѣли. Слѣдовательно, неблагопріятное для Россіи разрѣшеніе восточнаго кризиса не можетъ считаться неудачею второстепенною, несущественною, а затрогиваетъ самую сущность международнаго положенія Россіи. Но, съ другой стороны, и причину этой неудачи, какъ мы старались показать, были также не случайныя, личныя, или временныя ошибки, а общее направленіе политики, которой Россія слѣдовала почти неизмѣнно

въ теченіе послѣднихъ восьмидесяти лѣтъ. Слѣдовательно, мы не можемъ не признать, что, въ сущности, съ самаго начала столѣтія, дѣйствительное политическое значеніе Россіи не возвышалось, не смотря на огромное усиленіе ея внутреннихъ силъ и средствъ, превосходящее усиленіе всѣхъ прочихъ европейскихъ государствъ,—а постепенно упадало, уклонившись отъ Екатерининскихъ путей, не взирая на то, что упадокъ этотъ прикрывался, въ теченіи почти 40 лѣтъ, отъ 1815 по 1853 годъ, блистательною маскою политическаго преобладанія.

Къ такому же результату приводитъ насъ сравненіе результатовъ русской политики въ теченіи XVIII и XIX столѣтій.

Въ теченіи XIX столѣтія Россія вела 12 внѣшнихъ войнъ съ европейскими государствами, изъ коихъ семь были предприняты, какъ мы это показали выше, въ интересахъ ей совершенно чуждыхъ и даже враждебныхъ. Само собою разумѣется, что такое бесплодное напряженіе силъ не могло привести къ благопріятнымъ послѣдствіямъ. Наружнымъ, видимымъ выраженіемъ этой политики было то, что приобрѣтенія Россіи въ это время ограничились лишь однимъ Царствомъ Польскимъ, настоящимъ Пандоринымъ ящикомъ, приведшимъ Россію уже къ двукратной внутренней войнѣ и къ усиленію польскаго элемента въ западныхъ губерніяхъ. Безъ этого пагубнаго приобрѣтенія, центръ Польскихъ волненій находился бы въ Пруссіи, или Австріи, а западныя губерніи продолжали бы русѣть, какъ во времена Екатерины.

Правда, что въ XIX же столѣтіи были присоединены къ Россіи Финляндія и Бессарабія, но первое присоединеніе было сдѣлано въ тотъ короткій періодъ, во время котораго Россія дѣйствовала въ Екатерининскомъ духѣ, отбросивъ было заботы о Европѣ, и соединилась съ тѣмъ, кто считался общеевропейскимъ врагомъ. Что же касается до Бессарабіи, то, по ходу войны 1806 — 1812 года, отъ которой насъ безпрестанно отвлекали европейскія соображенія, можно утверждать, что, собственно говоря, мы не Бессарабію приобрѣли, а упустили приобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи.

Въ XVIII столѣтіи Россія вела 11 войнъ, которыя всѣ, за исключеніемъ нашего участія въ Семилѣтней, были ведены въ прямомъ и непосредственномъ интересѣ Россіи; да и про Семилѣтнюю войну можно сказать, что то была лишь случайная ошибка, война, предпринятая безъ достаточныхъ основаній, безъ ясно сознанной цѣли, но все-таки не война, веденная въ чужихъ интере-

сахъ. За то и результаты этой Петровской и Екатерининской политики были совершенно иные, чѣмъ въ XIX столѣтіи. Они заключались въ присоединеніи въ Европѣ 17 губерній и областей, съ пространствомъ въ 15,000 кв. м. и съ населеніемъ въ 18.000,000, доставившихъ Россіи побережья трехъ морей; въ воссоединеніи съ нею ея исконнаго достоянія; въ возведеніи ея на такую ступень могущества, что, къ началу новаго столѣтія, Россія сдѣлалась рѣшительницею судебъ Европы, и могла употребить пріобрѣтенную ею силу и счастливое политическое положеніе для вознесенія себя на міродержавную высоту, вмѣсто чего она предпочла принести себя въ жертву ложному политическому идеалу, причисливъ себя — не формально только, а всѣмъ сердцемъ и всею душою—къ европейской политической системѣ государствъ.

Намъ можно возразить, что, если пріобрѣтенія Россіи въ XIX столѣтіи, на западной нашей границѣ, далеко уступаютъ, по ихъ обширности, населенности и политическому значенію, пріобрѣтеніямъ XVIII вѣка, то причину этого можно найти въ томъ, что всякому пріобрѣтенію долженъ же вѣдь наступить конецъ и что въ XVIII столѣтіи все существенное въ этомъ отношеніи было сдѣлано, такъ что XIX-му ничего болѣе дѣлать не оставалось. Многіе, дѣйствительно, это утверждаютъ, говоря, что Россія и безъ того уже слишкомъ велика, и поютъ извѣстную пѣснь на тему излишней обширности Россіи. Но на ростъ государства нѣтъ определенной мѣрки. Нельзя сказать, что государство слишкомъ велико, потому что заключаетъ въ себѣ столько-то и столько квадратныхъ миль. Можно лишь сказать, что оно довольно велико, если собрало подъ свою руку весь свой народъ, если получило границы, которыя даютъ ей внутреннюю безопасность и полную свободу дѣйствій. Но ни перваго, ни втораго Россія еще не достигла, слѣдовательно, ей осталось еще кое-что пріобрѣсти и въ XIX столѣтіи. Еще около четырехъ милліоновъ русскаго народа находится въ подданствѣ иностраннаго государства,—народа, населяющаго область, составлявшую нѣкогда достояніе Россіи. Но, скажутъ, что и другіе великіе народы также не собрали всѣхъ соплеменниковъ своихъ въ одно государственное цѣлое, что есть англичане внѣ Англіи, французы внѣ Франціи, нѣмцы внѣ Германіи и италіянцы внѣ Италіи. Но въ какомъ положеніи эти англичане, французы, нѣмцы и италіянцы? Про англичанъ собственно говорить нечего. Единственные англичане внѣ англійскихъ

владѣній—граждане Соединенныхъ Штатовъ, отдѣлившіеся сами отъ притѣснявшей ихъ метрополии, положившіе начало новой національности и не имѣющіе ни малѣйшаго желанія возвратиться въ британское лоно. Но и прочія перечисленныя народности, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, составляютъ или господствующій элементъ въ независимыхъ государствахъ, или, по крайней мѣрѣ, пользуются полною національною независимостью и равноправностью съ господствующимъ племенемъ, такъ что едва ли имѣютъ желаніе промѣнять свое господствующее, привилегированное или, по меньшей мѣрѣ, независимое и равноправное положеніе на присоединеніе къ своему главному національному центру. Такъ, французы Бельгіи образуютъ не только независимое извнѣ и свободное внутри Бельгійское государство, но и господствуютъ въ немъ надъ элементомъ фламандскимъ, ибо офиціальный языкъ политики, суда, администраціи, языкъ науки, литературы и общественной жизни въ Бельгіи — французскій. Также точно и французы Женевы, Невшателя и нѣкоторыхъ другихъ швейцарскихъ кантоновъ пользуются полною національною и гражданскою свободою. Сказанное о бельгійскихъ французахъ вполнѣ относится и къ австрійскимъ нѣмцамъ, семь или восемь милліоновъ которыхъ, совокупно съ четырьмя милліонами мадярь, господствуютъ надъ 25 милліонами своихъ австрійскихъ, не-нѣмецкихъ и не-мадярскихъ, согражданъ. Но нѣмцы Германіи не успокоились, пока не притянули къ себѣ нѣмцевъ Гольштейна и Шлезвига, которые не имѣли преобладающаго значенія въ датскомъ государствѣ, хотя и пользовались всею полнотою гражданскихъ и политическихъ правъ наравнѣ съ настоящими датчанами. Точно также не успокоились и италіанцы, пока не выручили изъ неволи своихъ ломбардскихъ и венеціанскихъ братьевъ; а теперь они явно заявляютъ свои права не только на дѣйствительныхъ италіанцевъ Тироля, Корсики, Ниццы и Мальты, но даже и на мнимыхъ италіанцевъ Истріи и Далмаціи. Италіанцы Тессино столь же независимы, какъ и французы Женевы и, вѣроятно, точно также не желаютъ перемѣны въ своемъ положеніи.

Таково ли положеніе русскихъ въ Галиціи и въ русской Венгріи? Составляютъ ли они въ этихъ странахъ племя господствующее, или хотя бы только національно и граждански свободное? Не подчинены ли они невыносимому нѣмецкому, польскому и мадярскому гнету, и не имѣетъ ли, слѣдовательно, Россія права

и обязанности освободить эти четыре милліона своихъ соплеменниковъ и возвратить ихъ — этнографическому и историческому отечеству?

Конечно, Россія не имѣетъ подобныхъ правъ на Молдавію и Валахію. Но жители этихъ странъ не сочли ли бы, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, за величайшее благо, за осуществленіе всѣхъ своихъ стремленій и желаній — присоединеніе къ единовѣрной Россіи? А съ другой стороны, не доставило ли бы это присоединеніе величайшихъ выгодъ Россіи, какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи? Не предотвратило ли бы оно зарожденіе того антагонизма противъ всего русскаго и славянскаго, которымъ заразилась, если не масса румынскаго народа, то румынская интеллигенція, при посредствѣ развитія революціонныхъ тенденцій 1848 и 1849 годовъ, галломаніи князя Кузы и офранцузенія языка и литературы? Насколько облегчилась бы занятіемъ твердаго положенія на Дунаѣ задача освобожденія и объединенія Славянства? Даже и послѣ 1829 года присоединеніе это было еще возможно и полезно. Теперь, конечно, обстоятельства перемѣнились. Но, если благоприятныя, для присоединенія Нижнедунайскихъ областей, обстоятельства невосвратно упущены, то, для сохраненія непосредственной связи съ Славянствомъ, было необходимо привлеченіе Румыніи на свою сторону, хотя бы это и стоило намъ нѣкоторыхъ жертвъ. Между тѣмъ, все было сдѣлано для ея отчужденія.

Наконецъ, въ завершеніе Екатерининскихъ пріобрѣтеній, намъ необходимо было обратить Черное море,—единственное изъ всѣхъ морей, омывающихъ наши берега, которое соединяетъ условія незамерзанія зимою и близости къ центру нашего политическаго могущества, — въ нашу полную собственность, съ свободнымъ, и притомъ свободнымъ для насъ однихъ, выходомъ и входомъ.

Можно ли, слѣдовательно, сказать, что, послѣ великихъ присоединеній восемнадцатаго вѣка, девятнадцатому уже не оставалось дѣлать ничего существеннаго для достиженія Россіей полнаго національнаго роста и для пріобрѣтенія ею полной свободы дѣйствій, зависящей отъ обладанія моремъ, омывающимъ ея южныя границы, отъ свободы выхода изъ него и входа въ него, отъ возможности загражденія его для всѣхъ враговъ?

Изъ этого сравнительнаго обзора результатовъ русской политики въ XIX столѣтіи, какъ съ результатами, достигнутыми въ тоже

время политикою главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, такъ и съ результатами русской политики XVIII вѣка, очевидно, что русская политика и дипломатія не заслуживаютъ тѣхъ похвалъ, которыя расточаются ей иностранцами, частію лицемерно, въ родѣ похвалъ лорда Салисбюри, частію отъ непониманія дѣла. Русская политика и дипломатія XIX вѣка обязаны своею славою заслугамъ своихъ предшественницъ — политикѣ и дипломатіи XVIII столѣтія, въ особенности славнаго Екатерининскаго времени, а также тому недоумѣнію, которое внушало ея, къ сожалѣнію слишкомъ искреннее, безкорыстіе и готовность жертвовать собою. Иностранцы не могли себѣ вообразить, что мы такъ легко отказались отъ своихъ славныхъ политическихъ преданій и такъ легко перешли отъ школы Екатерины къ школѣ Меттерниха, весьма сообразной съ австрійскими, но ни какъ не съ русскими интересами, къ ученію о сохраненіи европейскаго равновѣсія и европейской солидарности. Они, поэтому, видѣли необыкновенную тонкость и ловкость тамъ, гдѣ ничего подобнаго не было. Во время Крымской войны ходилъ разсказъ, что англійскій корабль, будто бы, вошелъ въ одинъ изъ проходовъ между укрѣпленными островами Свеаборга, которымъ могъ проникнуть до гельсингфорскаго рейда. Корабль осторожно подвигается, но въ него не стрѣляютъ изъ предполагавшихся грозныхъ орудій. Наконецъ, онъ останавливается и поворачиваетъ назадъ, предполагая военную хитрость, засаду, которая должна обратить его въ щепки, если онъ пойдетъ дальше. На дѣлѣ же оказалось, что проходъ вовсе не былъ вооруженъ. Вѣсьма вѣроятно, что это только анекдотъ; но, въ примѣненіи къ репутаціи нашей политики и дипломатіи XIX вѣка, онъ представляетъ вѣрную ея эмблему. Но этотъ отводъ глазъ, эта фантазмагорія едва ли еще можетъ продлиться. Послѣ Берлинскаго конгресса и обстоятельствъ, къ нему приведшихъ, глаза у всѣхъ открылись, и положеніе Россіи становится до крайности опаснымъ.

Наша послѣдняя цѣпь неудачъ есть только кульминаціонный пунктъ того политическаго направленія, которому слѣдовала Россія, почти безъ перерыва, въ теченіе послѣднихъ 80 лѣтъ; она потому только кажется столь поразительною, что прежде мы жертвовали въ пользу другихъ своими средствами, своими силами какъ-бы отъ избытка ихъ, и результаты этихъ жертвъ часто маскировались блистательною внѣшностью, а истинное значеніе ихъ проявлялось лишь по истеченіи долгаго времени, когда уже скрывались отъ

непосредственнаго наблюденія причины, ихъ произведшія. Теперь намъ пришлось пожертвовать самою нашею побѣдою и въ самый моментъ этой побѣды, такъ что сомнѣніе въ причинѣ, приведшей къ этой неудачѣ, совершенно невозможно.

Можно смѣло предсказать, что подобныя же и еще большія неудачи ожидаютъ Россію въ будущемъ, если политика ея будетъ продолжать слѣдовать тому же пути, которымъ шла, съ рѣдкими и немногими исключеніями, съ самой смерти великой Императрицы.

Чтобы избѣжать плачевной участи перехода отъ неудачи къ неудачѣ, не смотря даже на самые поразительные военные успѣхи, политикѣ Россіи ничего не остается, какъ повернуть на старый Екатерининскій путь, то-есть открыто, прямо и безповоротно сознать себя русскою политикой, а не европейскою, и притомъ исключительно русскою, безъ всякой примѣси, а не какою нибудь двойственною, русско-европейскою или европейско-русскою, ибо противоположности не совмѣстимы. Пословица справедливо говоритъ: за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймашь; во сколько же разъ она справедливѣе, если догоняемые зайцы бѣгутъ въ діаметрально противоположныя стороны! Мы не догонимъ ни одного зайца: не достигнемъ русскихъ цѣлей и не приобрѣтемъ расположенія Европы, враждебность которой все усиливается, по мѣрѣ оказываемыхъ нами ей услугъ, уступокъ и приносимыхъ нами жертвъ.

Интересы Россіи и Европы противоположны, — говоримъ мы. Что эта противоположность не выдумка, не изобрѣтеніе панславистовъ, славянофиловъ, или вообще журнальныхъ публицистовъ и теоретиковъ, какой бы то ни было партіи, а фактъ общепризнанный самыми трезвыми и практическими политическими умами, — свидѣтельствуютъ намъ всего лучше и прямѣе самые протоколы Берлинскаго конгресса. Читая эти документы, мы постоянно встрѣчаемъ, что, какъ представители Россіи, такъ и представители другихъ державъ безпрестанно противоплагаютъ интересы Россіи — интересамъ Европы. Одни требуютъ во имя этихъ послѣднихъ — уступокъ со стороны Россіи, другіе соглашаются на нихъ именно въ виду этой причины. Слѣдовательно, эта противоположность интересовъ до того присуща представленію государственныхъ людей всѣхъ націй, что они инстинктивно, какъ бы противъ своей

воли, не смотря на всю дипломатическую осторожность, употребляютъ выраженія, соотвѣтствующія дѣйствительности и прямо противоположныя той видимости, которую, конечно, желали бы ей придать: представители европейскихъ государствъ для того, чтобы и впредь было имъ удобнѣе пользоваться тѣмъ обманомъ, въ который добровольно вдается Россія; представители же Россіи для того, чтобы не выставить на видъ всей несостоятельности того политическаго направленія, которое приносить интересы Россіи въ жертву интересамъ Европы. Въ другомъ, также официальномъ документѣ, мы читаемъ: „То, что совершается на нашихъ глазахъ теперь, сопровождало, впрочемъ, и всѣ прежнія наши войны на Востокѣ. Не смотря на всѣ наши успѣхи, мы никогда не могли разрѣшить задачу кореннымъ образомъ. Намъ всегда приходилось останавливаться предъ непреодолимыми трудностями задачи, предъ *сплоченною стѣной интересовъ и страстей, которые вызывались нашими успѣхами*“.*) Съ такимъ объясненіемъ неполноты результатовъ нашихъ многократныхъ турецкихъ войнъ нельзя вполнѣ согласиться. Такъ, въ первую Екатерининскую войну сплоченная стѣна интересовъ и страстей намъ враждебныхъ не считала для себя удобнымъ сопротивляться силою намѣреніямъ Россіи; чтобы отклонить ее отъ исполненія ихъ, ей представили, по почину прусскаго короля, обязавшагося помогать Россіи въ случаѣ войны съ Австріей, такую богатую перспективу интересовъ, еще ближе касавшихся достиженія русскихъ цѣлей, чѣмъ сами турецкія дѣла, что Екатерина не могла не предпочесть ее, тѣмъ болѣе, что безконечно важное для Россіи возвращеніе ея исконныхъ западныхъ областей отъ Польши доставалось почти безъ усилій. Всякій откажется отъ меньшаго и труднаго, когда ему предлагаютъ взаимнѣе большее и легкое. Во вторую турецкую войну сплоченная стѣна была очень слаба, какъ потому, что главный врагъ нашъ на Востокѣ, Австрія, подъ правленіемъ эксцентрическаго Іосифа II, была на нашей сторонѣ, такъ и потому, что подъ вліяніемъ успѣвшей разгорѣться французской революціи, сопротивление Англіи и Пруссіи не обѣщало быть очень сильнымъ. Истинная причина недостаточности результатовъ этой войны была не политическая, а военная. Она заключалась въ дурномъ веденіи

*) Изъ заявленія 27 Іюля.

войны, которое было поручено мало-способному въ военномъ отношеніи Потемкину въ то время, когда геній Суворова уже успѣлъ выказаться во всемъ блескѣ. Въ войнѣ съ 1806 по 1812 годъ такой стѣны вовсе уже не было. Она была сломлена Наполеономъ, и отъ насъ зависѣло довести войну до самыхъ желательныхъ результатовъ; но мы сами предпочли заботы о благоденствіи Европы—разрѣшенію нашихъ историческихъ задачъ. Только относительно войнъ 1828 — 1829 и 1853 — 1856 годовъ слова приведенной нами выписки вполнѣ справедливы. Относительно только-что окончившейся войны, по нашему мнѣнію, стѣна эта также была уже сломлена подвигами нашихъ войскъ—и возстановлена ошибочными дѣйствіями дипломатіи, подъ вліяніемъ тѣхъ же заботъ о Европѣ, какъ и въ войнѣ съ 1806 по 1812 годъ. Но, какъ бы то тамъ ни было, въ приведенныхъ нами словахъ официального документа самымъ яснымъ образомъ выражена мысль о противоположности интересовъ Россіи и Европы. Какимъ образомъ помирить съ этимъ совершенно вѣрнымъ и точнымъ пониманіемъ этого факта, нѣсколькими строками выше изложенную, прямо противоположную, мысль того же документа, что „солидарность и согласіе (съ Европою, конечно) суть единственные залого благополучія и общаго мира для всего христіанскаго Востока“—за это мы не беремся.

Въ чемъ именно заключается эта, всѣми, и нашими, и европейскими государственными людьми признаваемая, противоположность, на это даютъ намъ отвѣтъ протоколы того-же Берлинскаго конгресса. Одинъ изъ представителей Россіи съ полною откровенностью выразился такъ: „Конгрессъ старался упразднить этнографическія границы и замѣнить ихъ границами торговыми и стратегическими“. На эти слова ни съ чьей стороны не послѣдовало возраженія. Очевидно, что это упраздненіе этнографическихъ границъ не составляетъ точки зрѣнія, на которой стояла Россія при заключеніи С.-Стефанскаго договора, стремившагося не упразднить, а, напротивъ того, установить этнографическія границы. Если, со всѣмъ тѣмъ, конгрессъ выразилъ противоположное этому стремленіе, то очевидно, что упраздненіе этнографическихъ границъ, или, другими словами, національнаго приципа, составляло точку зрѣнія европейскихъ государствъ (въ томъ числѣ и Италіи, столь громко провозглашающей принципъ національности; вотъ до чего доводитъ ослѣпленіе, порождаемое ненавистью къ Россіи и Славянству!). И Россія должна быть усту-

пить, во избѣжаніе войны, сдѣлавшейся для нея крайне-невыгодною вслѣдствіе положенія, въ которое она сама себя поставила незанятіемъ проливовъ и заключеніемъ, развязавшаго Турціи руки, прелиминарнаго мира,—опять-таки заключеннаго изъ-за желанія угодить Европѣ, не нарушить пресловутой солидарности. Если, такимъ образомъ, Россію можно упрекнуть въ слабости и недалновидности, то на гуманную и свободолюбивую Европу прямо падаетъ упрекъ въ злонамѣренномъ и сознательномъ (а не безсознательномъ, какъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, во времена котораго принципъ національности еще не выяснился) живосѣченіи народныхъ организмовъ. Мы не знаемъ, въ похвалу или въ осужденіе, или какъ простое формулированіе факта, произнесъ русскій уполномоченный свои достопримѣчательныя слова; во всякомъ случаѣ онѣ составляютъ краткую, но полную нравственную характеристику дѣятельности конгресса и составляютъ печать или клеймо, съ которымъ онѣ перейдетъ въ исторію. Но въ этой характеристикѣ заключается еще одна черта, ее дополняющая. Этнографическій принципъ проведенія границъ если нѣчто определенное, онѣ показываетъ не только, гдѣ граница должна быть проведена, но и кому должна принадлежать территорія по ту и другую сторону; самую же границу составляетъ, такъ сказать, математическая линія, сама по себѣ не имѣющая значенія. Напротивъ того, при границѣ стратегической, наибольшее значеніе получаетъ именно сама граничная черта, въ особенности, когда она идетъ вдоль горнаго хребта. Обладаніе его проходами даетъ средства не только для обороны, но и для нападенія; а стратегическій принципъ, самъ по себѣ, не даетъ еще никакого основанія для рѣшенія вопроса, кому должна принадлежать эта столь существенно важная граничная черта. Очевидно, что конгрессъ подразумѣвательно признавалъ еще добавочный принципъ, который нельзя выразить иначе, какъ словами: „замѣнить ихъ границами стратегическими, съ тѣмъ, чтобы проведены онѣ были въ выгудъ сильнаго и угнетателя, и во вредъ слабому и угнетаемому“.

И такъ, по всеобщему сознанію, открыто выраженному многими, подразумѣваемому всѣми,—интересы Россіи и Европы противоположны. Слѣдовательно, для успѣшной русской политики въ будущемъ ничего другаго не остается, какъ смотрѣть на свое политическое и историческое положеніе открытыми глазами, то есть перестать считать Россію членомъ европейской политической

системы, которая постоянно оказывается намъ враждебною, лишь только обстоятельства выдвинутъ на сцену вопросы, затрагивающіе интересы или сочувствія Россіи, не взирая на всю справедливость и все безкорыстіе ея цѣлей,—открыто и рѣшительно выпутаться изъ нея, освободиться отъ добровольно наложенныхъ на себя путъ и цѣпей, стѣсняющихъ свободу нашихъ дѣйствій.

Что же значитъ выступить изъ европейской политической системы? Прервать всѣ политическія сношенія съ европейскими государствами, вызвать нашихъ посланниковъ изъ европейскихъ столицъ? Или съ безумнымъ неистовствомъ, не разбирая ни силы, ни числа враговъ, наброситься на Европу? Конечно, нѣтъ. Бѣдъ имѣемъ же мы политическія сношенія и съ Вашингтонскимъ, и съ Рио-жанейрскимъ, и съ Пекинскимъ кабинетами, не считая себя членами, ни южно-, ни сѣверо-американской, ни восточно-азиатской политической системы, не чувствуя солидарности ни съ внѣшними, ни съ внутренними ихъ дѣлами. Дѣло идетъ о *сущности* направленія нашей политики, а не о формѣ. Выступить изъ европейской политической системы значитъ: не принимать къ сердцу европейскихъ политическихъ интересовъ, смотрѣть на дѣло какъ оно есть, и не закрывать глазъ передъ очевидностью, не принимать созданныхъ себѣ призраковъ за дѣйствительность; гдѣ есть врагъ—тамъ и видѣть врага, а не считать его за друга, прибѣгая ко всевозможнымъ фикціямъ, чтобы совершить эту метаморфозу, не на дѣлѣ, конечно, а въ собственномъ своемъ воображеніи. Въ моей книгѣ: „Россія и Европа“ я выразилъ эту мысль такъ: „Намъ необходимо отрѣшиться отъ мысли о какой бы то ни было солидарности съ европейскими интересами, о какой бы то ни было связи съ тою или другою политическою комбинаціею европейскихъ державъ—и, прежде всего, пріобрѣсти совершенную свободу дѣйствія, полную возможность соединиться съ каждымъ европейскимъ государствомъ, подъ единственнымъ условіемъ, чтобы такой союзъ былъ намъ выгоденъ, ни мало не взирая на то, какой политической принципъ представляетъ собою въ данное время то или другое государство“ (стр. 488). Выступить изъ европейской политической системы значитъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ Англія, Австрія, Германія и въ особенности Италія, которая пользовалась всякою комбинаціею европейской политики для достиженія своихъ цѣлей. Она шла противъ Россіи, чтобы заслужить расположеніе западныхъ державъ; она заключила союзъ съ Франціей для пріоб-

рѣшенія Ломбардіи; она пользовалась недоумѣніемъ своего союзника для завоеванія Неаполя, при помощи революціи; она вступила въ союзъ съ Пруссіей для приобрѣтенія Венеціи; она завладѣла, наконецъ, Римомъ, употребивъ въ свою пользу отчаянное положеніе Франціи, въ ея борьбѣ съ Германіей; она, конечно, не усомнится воспользоваться всякимъ затрудненіемъ Австріи, для овладѣнія италіанскимъ Тиролемъ и Триестомъ, и всякимъ затрудненіемъ Франціи, для возвращенія себѣ Ниццы. Положеніе Россіи имѣетъ лишь ту особенность, что ни Англія, ни Австрія, ни Германія, ни Италія, достигая своихъ частныхъ цѣлей, не выступаютъ черезъ это изъ европейской политической системы, которой они суть естественные и прирожденные члены, потому что общеевропейскій интересъ, въ настоящемъ фазисѣ исторіи, который длится съ самаго Вѣнскаго конгресса и продлится еще долго—состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ противодѣйствіи Россіи; для Россіи же твердое и неуклонное стремленіе къ достиженію своихъ цѣлей равнозначительно выступленію ея изъ европейской политической системы. Продолжая въ ней находиться, продолжая сообразовать виды своей политики съ видами политики европейскихъ государствъ, въ томъ, что они имѣютъ общаго, мы никогда не достигнемъ своихъ цѣлей.

Въ 1869 году я писалъ: „Именно такъ называемые высшіе европейскіе интересы и составляютъ единственное пренятствіе къ освобожденію Славянъ и Грековъ и къ изгнанію Турокъ изъ завоеваннаго ими Балканскаго полуострова. Если во время греческаго возстанія императоръ Александръ не послушался своего великодушнаго свободолюбиваго сердца, то единственно потому, что считалъ необходимымъ подчинить національныя цѣли и интересы Россіи—интересамъ европейскаго мира и спокойствія, мнимо-вышимъ цѣлямъ противодѣйствія революціоннымъ стремленіямъ, снова грозившимъ обхватить европейское общество,—стремленіямъ, опасатся которыхъ Россія не имѣла собственно ни повода, ни основаній“ (другими словами, потому, что считалъ Россію членомъ европейской политической системы). И далѣе: „Пока эти и подобныя имъ постороннія Россіи соображенія, какъ, на примѣръ, забота о сохраненіи политическаго равновѣсія и т. д., будутъ имѣть вліяніе на рѣшенія Россіи, то само собою разумѣется, что нечего и думать объ удовлетворительномъ рѣшеніи Восточнаго вопроса, который и въ дѣйствительности, и въ общемъ сознаніи Европы,

непремѣнно долженъ нарушить, если не 'законныя ея права и интересы, то, по крайней мѣрѣ, то понятіе, которое она себѣ составила о своихъ правахъ и выгодахъ". (*Заря*, 1869, авг. стр. 26. *Росс. и Евр.* стр. 352). Вѣрно-ли мы тогда разсуждали, и не сбылись ли наши предсказанія отъ слова до слова съ поразительною точностью?

Слѣдовательно, Россія, для достиженія своихъ цѣлей, должна пользоваться всѣми ошибками Европы, всякимъ внутреннимъ раздоромъ ея, всякою надобностью, которую то или другое государство можетъ встрѣтить въ помощи Россіи. Есть примѣры и въ теченіе XIX столѣтія, хотя, къ несчастію, очень рѣдкіе, когда Россія держалась этихъ правилъ; есть и другіе, несравненно болѣе частые, когда она упускала ихъ изъ виду и дѣйствовала въ противоположномъ смыслѣ.

Такъ, послѣ Тильзитскаго мира, Россія, въ сущности, выступила изъ системы европейскихъ государствъ, вступивъ, на благо себѣ, въ союзъ съ ея внутреннимъ врагомъ. Такъ поступила она и въ 1870 году, объявивъ, что не считаетъ себя связанною трактатомъ 1856 года, относительно наложеннаго на нее запрещенія держать флотъ на Черномъ морѣ. Но первое выступленіе ея продолжалось не долѣе двухъ лѣтъ; второе же было лишь мгновенною вспышкою, потому что Россія испортила свое собственное дѣло, вступивъ въ переговоры и принявъ на себя обязательства Лондонскаго договора. Въмѣсто того, чтобы добиваться европейскаго признанія, въ которомъ не было никакой надобности, слѣдовало бы немедленно начать строить черноморскій флотъ.

Отрицательными примѣрами могутъ служить: нежеланіе воспользоваться войной 1809 года для возвращенія Галиціи; всѣ распри съ Наполеономъ не изъ-за русскихъ, а изъ-за чисто европейскихъ интересовъ, которыя привели французовъ въ Москву, а русскихъ въ Парижъ, и то и другое къ прямому и непосредственному, или къ косвенному и посредственному вреду Россіи. Отрицательные примѣры, какъ не слѣдовало Россіи дѣйствовать, представляютъ также періодъ конгрессовъ и послѣдующее время до войны 1828 — 1829 годовъ; спасеніе Австріи въ 1849; насильственное примиреніе Австріи и Пруссіи въ 1851; медленность и нерѣшительность дѣйствій въ угоду Европѣ въ 1853 и недопущеніе Германіи начать вторую войну съ Франціей въ 1875.

Выскажемъ нашу мысль прямо и откровенно. Политика Россіи, чтобы быть успѣшною, чтобы возвратить себѣ тотъ блескъ

и тѣ плодотворные результаты, которыми она увѣнчивалась во дни великой Императрицы, должна держаться, какъ постояннаго руководящаго принципа, *русско-славянскаго эгоизма*, въ чемъ и заключается настоящій смыслъ выступленія Россіи изъ европейской политической системы. Почему не обще-человѣческаго безкорыстнаго интереса?—воскликнуть наивные политическіе идиллики. Потому, во-первыхъ, что, строго говоря, никто не знаетъ въ чемъ заключается дѣйствительно безкорыстный обще-человѣческій интересъ. Потому, во-вторыхъ, что, по крайней мѣрѣ въ настоящій періодъ исторіи, русско-славянскій эгоизмъ совпадаетъ съ безкорыстнымъ общечеловѣческимъ интересомъ. Наконецъ, въ-третьихъ, потому, что если не дѣйствовать въ духѣ русско-славянскаго эгоизма, то ничего не останется, какъ дѣйствовать въ духѣ анти-русско-славянскаго, англо-австро-европейскаго эгоизма, какъ до сихъ поръ мы большею частію и дѣйствовали; потому что для политической дѣятельности Россіи только и открыты эти два пути, нигдѣ не сходящіеся, прямо другъ другу противоположные.

Русско-славянскій эгоизмъ совпадаетъ въ настоящее время съ обще-человѣческимъ безкорыстнымъ интересомъ! Въ этомъ-то и заключается вся наша сила, вся наша надежда на окончательный успѣхъ, не смотря на столько разъ повторявшіяся неудачи, происходившія не отъ чего другаго, какъ именно отъ непониманія этого тождества.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоятъ наши русско-славянскіе эгоистическія цѣли? Въ освобожденіи, полномъ и совершенномъ, всѣхъ Славянъ, какъ отъ ига Турпіи, такъ и отъ ига Австріи, въ доставленіи имъ возможности достиженія полной политической самостоятельности. Интересы Славянства требуютъ правда не только свободы, но и единства; но оно явится, какъ необходимое, силою обстоятельствъ вынужденное слѣдствіе самостоятельности и свободы.

Далѣе, русско-славянскій эгоизмъ требуетъ достиженія Россіею политической полноправности, въ которой ей постоянно отказываютъ, подъ разными гнилыми предлогами, навязывая ей различныя ограниченія, повинности, сервитуты, относительно пользованія, омывающимъ ея берега, Чернымъ моремъ. Мы слышали, напримѣръ, изъ устъ Салисбюри, что пользованіе Россіей Батумскимъ портомъ преимущественно для торговыхъ цѣлей въ вѣко-

торой степени обезпечиваетъ свободу Чернаго моря, будто бы погибавшую безъ этого обязательства. То, что Россія въ своемъ морѣ, у своихъ береговъ, отказывается отъ пользованія нѣкоторыми изъ своихъ несомнѣнныхъ правъ, — называется, на европейско-политическомъ жаргонѣ, обезпеченіемъ свободы этого моря! Развѣ такой взглядъ совмѣстенъ съ понятіемъ о политической полноправности и верховенствѣ государства? На нашемъ политическомъ языкѣ, и на языкѣ здраваго смысла, свободою Чернаго моря можетъ быть названо только право Россіи (и Турціи, конечно, покуда она существуетъ, какъ независимое государство) вводить въ него и выводить изъ него, какъ свои торговые, такъ и свои военные корабли, а также право заграждать въ него входъ иностраннымъ военнымъ судамъ.

Какъ понимается право Славянскихъ народовъ на независимое политическое существованіе, видно также изъ словъ того же Салисбюри на европейскомъ ареопагѣ. „Если значительная часть Босніи и Герцеговины отойдетъ къ одному изъ сосѣднихъ княжествъ (Сербіи или Черногоріи), то образуется рядъ славянскихъ государствъ, простирающійся черезъ весь Балканскій полуостровъ, военное могущество которыхъ угрожало бы населенію другихъ племенъ, живущихъ на югѣ“. И подобныя нелѣпости выслушиваются, принимаются во вниманіе, и даже постановляются сообразныя съ ними рѣшенія; и это получаетъ названіе высшихъ европейскихъ интересовъ! Но вѣдь эти страны, составляютъ ли онѣ, или не составляютъ сплошнаго ряда, населены славянскимъ народомъ, и слѣдовательно, не взирая на то, живетъ-ли кто и кто именно на югѣ, имѣютъ полное право составить изъ себя независимое политическое тѣло; но вѣдь и на югѣ полуострова только меньшинство не принадлежитъ къ славянскому племени; но вѣдь эти, занимающіе сѣверъ полуострова, славяне никогда ни дѣломъ, ни даже словомъ не выказывали своего намѣренія не уважать независимости этого неславянскаго меньшинства, то есть грековъ. Все это не принимается въ расчетъ. Почему же не высказывалось ни на какомъ конгрессѣ подобныхъ опасеній противъ соединенія въ одно государство съ Пруссіей—Баваріи, Виртемберга, Бадена и проч., подъ предлогомъ, что этимъ образуется сплошной рядъ нѣмецкихъ государствъ, который угрожалъ бы племенамъ живущимъ на югѣ, хоть въ Италіи, на примѣръ, — что въ былые времена нѣмцы такъ часто дѣлали?

Но что говорить о словахъ, когда мы видимъ такіа дѣла: Россія, послѣ войны съ Турціей, заключаетъ съ нею миръ, то-есть независимое государство вступаетъ въ соглашеніе съ государствомъ также независимымъ, о регуляціи своихъ будущихъ къ нему отношеній. Это находятъ недопустимымъ съ европейской точки зрѣнія. Восточныя дѣла,—говорятъ,—касаются всей Европы, и нельзя допустить, чтобы одно государство устанавливало ихъ по своему произволу. И въ то самое время, когда идутъ совѣщанія объ установленіи сообща этихъ отношеній, одно изъ совѣщающихся государствъ — то самое, которое болѣе всѣхъ другихъ настаивало на этомъ общеевропейскомъ воззрѣніи на дѣла Востока,—само заключаетъ съ Турціей такіа условія, которыя передаютъ въ его руки несравненно сильнѣйшее вліяніе, чѣмъ давалъ Россіи Санъ-Стефанскій договоръ. И это явное и дерзкое нарушеніе общепризнаннаго принципа, коль скоро оно направлено противъ Россіи, всѣми молча принимается. Даже ничего не возражаютъ и скрываютъ свое негодованіе тѣ, интересы которыхъ оно нарушаетъ самымъ наглымъ образомъ. Франція и Италія, вмѣстѣ съ другими возстающія противъ возможности появленія русскихъ флотовъ въ Средиземномъ морѣ, терпятъ захваты Англіи въ этомъ самомъ морѣ, потому что главная цѣль ихъ — противодѣйствіе планамъ Россіи, даже мнимымъ и воображаемымъ. Не въ правѣ-ли мы послѣ этого усомниться, полноправное-ли и равноправное съ другими государство — Россія? Будучи третируема столь недостойнымъ образомъ, можетъ-ли она продолжать считать себя членомъ европейской политической системы? Ни одинъ частный человѣкъ не счелъ бы возможнымъ оставаться на такихъ условіяхъ членомъ какого либо общества. Равноправна-ли также славянская народность съ другими народностями въ глазахъ Европы?—Установленіе этой равноправности и полноправности—вотъ чего требуетъ русско-славянскій эгоизмъ, и чему противится анти-русско-славянскій, англо-австро-европейскій эгоизмъ. Не совпадаетъ ли первый съ требованіями справедливости, а, слѣдовательно, и съ требованіями общаго интереса человѣчества, къ которому сто-милліонное славянское племя вѣдь также принадлежитъ?

Если такой безкорыстный и благородный характеръ носятъ на себѣ цѣли, къ которымъ стремится русско-славянскій эгоизмъ, то и тѣ средства, которыя *volens-nolens* онъ долженъ употребить для ихъ достиженія, не менѣе справедливы, не менѣе сообразны

съ обще-человѣческимъ интересомъ, то-есть съ интересомъ огромнаго большинства человѣческаго рода. Средства эти: во-первыхъ, сокрушеніе того исполинскаго хищенія, той громадной неправды, того угнетенія, распространяющагося на всѣ народы земли, которыми именуются англійскимъ всемірнымъ морскимъ владычествомъ. Мы уже видѣли, что это морское владычество приводится въ сущности къ обладанію всѣми лучшими частями Азіатскаго материка и эксплуатаціи его всѣми возможными средствами политическими и торговыми, доходящими до насильственнаго развращенія и отравленія такой огромной страны, какъ Китай. Вспомнимъ, что еще недавно графъ Дерби, въ рѣчи произнесенной въ Англійскомъ парламентѣ, на весь свѣтъ громогласно объявилъ, что англо-индѣйская имперія можетъ сводить концы съ концами только при помощи торговли опиумомъ. Затмѣніе здраваго смысла европейничаньемъ доходитъ у насъ до того, что во время индѣйскаго возстанія, послѣдовавшаго, какъ извѣстно, черезъ годъ послѣ окончанія неправой и нечестивой Крымской войны, въ нашихъ журналахъ и газетахъ того времени можно было читать упреки въ узкомъ патріотизмѣ за пожеланіе успѣха возставшимъ индѣйцамъ. Говорилось, что общіе великіе интересы цивилизаціи заставляютъ насъ сочувствовать возстановленію и утвержденію потрясенной британской власти. Событія не замедлили опровергнуть эту гуманитарную нелѣпость. На томъ же дальнемъ востокѣ, государство, болѣе замкнутое и отчужденное своими нравами и обычаями, чѣмъ Индія, но сохранившее свою полную независимость, по собственному почину вступило на путь новой цивилизаціи и культуры, не будучи къ тому побуждаемо никакимъ чужестраннымъ, будто-бы благотѣльнымъ гнетомъ, и пошло по этому пути несравненно успѣшнѣе, чѣмъ подвластная англичанамъ Индія, въ теченіе слишкомъ столѣтняго британскаго владычества. Такъ ли оно, слѣдовательно, необходимо и полезно въ интересахъ общей цивилизаціи, какъ думали наши европейцы? Освобожденная Индія развѣ прекратила бы свои сношенія съ Европой? Развѣ съ изгнаніемъ англичанъ, всѣ другіе народы, и французы, и голландцы, и нѣмцы, и итальянцы, и сѣверо-американцы и даже тѣ же англичане не основали бы своихъ факторій и небольшихъ торговыхъ колоній вдоль береговъ этой богатѣйшей страны, не вели бы съ ней торговли? А собственная индѣйская промышленность, нѣкогда столь развитая, не могла бы развѣ опять

возникнуть послѣ сверженія либеральнаго британскаго гнета? Прекратилось бы, конечно, замѣнявшее ее воздѣлываніе опиума, что едва-ли бы составило потерю для человѣчества, гуманности, цивилизаціи и прогресса.

Другое средство, которое должно быть употреблено для достиженія цѣлей русско-славянскаго эгоизма, есть сокрушеніе и упраздненіе Австріи, о которой вѣдь тоже плакать некому, кромѣ пользующихся плодами угнетенія и насилія мадьяръ и австрійскихъ нѣмцевъ. Хотя въ то время, когда мы такъ безкорыстно сочувствовали возстановленію британскаго владычества въ Индіи, были у насъ также поклонники и цивилизаторской миссіи австрійскаго жандарма, которые и теперь еще не совершенно вывелись*), мы все-таки думаемъ, что излишне было бы распространяться въ доказательствахъ тому, что человѣчество могло бы встрѣтить безъ особеннаго сожалѣнія извѣстіе о кончинѣ Австріи, и что русско-славянскій эгоизмъ, совершивъ это ужасное дѣло, не нарушилъ бы безкорыстнаго общечеловѣческаго интереса.

Упомянемъ еще, для счета, и о третьемъ средствѣ, необходимомъ для достиженія цѣлей русско-славянскаго эгоизма—объ окончательномъ уничтоженіи турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ, не сопровождая его никакими оправдательными комментаріями.

Въ заключеніе, мы спросимъ: не совпадаетъ ли русско-славянскій эгоизмъ, какъ по цѣлямъ, такъ и по средствамъ своимъ, съ требованіями безкорыстнаго общечеловѣческаго интереса, насколько онъ намъ извѣстенъ и подлежитъ человѣскому пониманію? Потому-то мы и думаемъ, что судьбы Россіи лежатъ въ самомъ руслѣ историческаго потока, предполагая, что потокъ этотъ направляется къ разумнымъ, справедливымъ и благимъ цѣлямъ; поэтому мы и утверждаемъ, что положеніе Россіи есть единственное въ своемъ родѣ, не имѣвшее и не имѣющее себѣ ничего подобнаго. Ея величіе, ея міродержавное значеніе требуетъ не завоеваній чужаго, не угнетенія народностей, не присоединенія земель, по праву другимъ принадлежащихъ,—а освобожденія угнетенныхъ, возстановленія поправныхъ, сокрушенія насилія и неправды, какими бы титулами они ни величались. А интересы Европы, какъ она сама

*) Какъ свидѣтельствуетъ наставленіе, прочитанное однимъ журналомъ г. Иловайскому, появившему въ цивилизаторскія руки этого жандарма *Черн. рукоп.*

ихъ хочетъ понимать и понимаетъ на дѣлѣ, не прямо ли этому противоположны? То, что мы назвали анти-руско-славянскимъ, англо-австро-европейскимъ эгоизмомъ, не есть ли вмѣстѣ съ тѣмъ эгоизмъ, дѣйствительно противорѣчащій общечеловѣческому интересу?

Россіи и Славянству нужно освобожденіе Болгаріи въ границахъ болгарской народности. Европѣ нужно продолженіе господства батакскихъ изверговъ, укрѣпленіе его возвращеніемъ Балканскихъ проходовъ Турціи.

Россіи и Славянству нужно полное освобожденіе Сербскаго народа. Европѣ нужно отрѣзать другъ отъ друга двѣ родственныя части одного и того же племени: Сербію и Черногорію, вбивъ между ними австрійскій клинъ. Ей нужно искупить полусвобожденіе третьей доли болгарскаго народа подчиненіемъ австрійскому гнету другаго столь же многострадальнаго славянскаго племени; ей нужна отрѣзка 120-ти квадратныхъ миль отвоеванныхъ героюскою Черногоріей, отданіе подъ австрійскій полицейскій надзоръ, по возможности урѣзаннаго, черногорскаго морскаго побережья.

Россіи и Славянству нужно присоединеніе въ Греціи—Фессалии, Эпира, дѣйствительно-греческой части Македоніи, многострадальнаго Крита, острововъ Архипелага. Европѣ нужно раздуть эллинское тщеславіе и властолюбіе, возбудить этимъ грековъ противъ славянъ, склонить ихъ на свою сторону, а затѣмъ обмануть ихъ въ ихъ дѣйствительно законныхъ и справедливыхъ желаніяхъ.

Россіи и Славянству нужна дѣйствительная независимость и полноправность вновь освобожденныхъ государствъ: Румыніи, Сербіи и Черногоріи. Европѣ нужно, за невозможностью отнять у нихъ независимость политическую, лишить ихъ, по крайней мѣрѣ, независимости экономической и торговой, запрещеніемъ взимать транзитныя пошлины; ей нужна эксплуатація ихъ евреями, подъ лицемѣрнымъ предлогомъ охраненія религіозной свободы.

Россіи и Славянству нужно право Россіи на свободный входъ и выходъ въ Черное и изъ Чернаго моря, двѣ трети береговъ котораго ей принадлежатъ. Европѣ нужно наложеніе на Россію разнаго рода постыдныхъ сервитутовъ, ради охраненія британскаго хищничества, которому она даже и не угрожала,—подъ лицемѣрнымъ и кощунственнымъ названіемъ охраненія свободы Чернаго моря.

Россіи нужно справедливое и самое умѣренное вознагражденіе

за принесенныя ею жертвы. Европѣ нужно лишить ее этого вознагражденія и вмѣстѣ оскорбить, оказавъ предпочтеніе претензіямъ всякаго европейскаго жида, всякаго лондонскаго или парижскаго лавочника, доставляющихъ своими сбереженіями средства для расточительности султана и пашей, для разврата ихъ гаремовъ, для угнетенія и мученичества балканскихъ христіанъ.*)

Въ моей книгѣ „Россія и Европа“ я говорилъ объ отношеніяхъ Россіи къ Турціи и къ Европѣ послѣ Крымской войны: „Магометанско-турецкій эпизодъ въ развитіи Восточнаго вопроса окончился. Туманъ разсѣялся и противники стали лицомъ къ лицу, въ ожиданіи грозныхъ событій, страхъ передъ которыми заставляетъ отступать обѣ стороны доколѣ возможно, откладывать неизбѣжную борьбу на сколько Богъ попуститъ. Отнынѣ война между Россіей и Турціей сдѣлалась невозможною и бесполезною: возможна и необходима борьба Славянства съ Европой, — борьба, которая рѣшится, конечно, не въ одинъ годъ, не въ одну кампанію, а займетъ собою цѣлый историческій періодъ“. Оправдались ли мои слова? Сбылось ли это предсказаніе подобно многимъ другимъ? Повидимому, только отчасти; но если вникнуть въ сущность дѣла, то оно сбылось вполне. Въ заключеніе настоящей статьи я приму на себя трудъ доказать это, не изъ тщеславнаго желанія оправдать мою проницательность, а потому, что это даетъ мнѣ, такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется, самый удобный случай вполне выяснитъ настоящій характеръ только-что совершившагося, огромной важности, историческаго событія, и даетъ возможность представить мои соображенія о будущемъ.

Что война между Россіей и Турціей оказалась бесполезною и

*) Выходя изъ круга тѣхъ вопросовъ, для рѣшенія которыхъ была предпринята послѣдняя война и собирався Берлинскій конгрессъ, мы встрѣтимъ ту же противоположность правды и лжи, свободы и угнетенія, прослѣдять отдѣльные случаи которыхъ было-бы слишкомъ долго. — Но тамъ, гдѣ Россія по ошибкѣ и неправильному пониманію своего интереса, отклонилась отъ своей цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ (сознаемся въ этомъ откровенно) и отъ справедливости, о, тамъ Европа охотно ей уступаетъ! Когда Россія требуетъ возвращенія ни на что ей не нужнаго клочка Бессарабіи и взамѣнъ его передаетъ румынизацию болгарскую Добруджу и тѣмъ оскорбляетъ и своего недавняго союзника и освобожденную ею Болгарію, — тутъ Европа ей не противорѣчитъ, ибо видитъ, что, поступая такъ, Россія вредитъ себѣ. *Черн. рукоп.*

со многихъ сторонъ даже вредною, съ этимъ, я думаю, спорить не стануть. Но я считалъ ее невозможною, а, между тѣмъ, она велась съ большими усиліями въ теченіи 9-ти мѣсяцевъ; напротивъ того, борьбы съ Европой, которую мы считали необходимою и единственно возможною, не произошло. Хотя факты эти и безспорны, но мы утверждаемъ однако же, что это лишь одна видимость, одинъ миражъ, обманъ чувствъ; въ дѣйствительности, мы, подъ личиною войны съ Турціей, вели войну съ Европой, по крайней мѣрѣ съ Англіей и Австріей, не безъ союза ихъ, впрочемъ, и съ прочими европейскими государствами, и мы были побѣждены въ этой войнѣ, опять-таки подъ маской побѣды надъ Турціей. Эти личности, эти маски надѣли на себя наши враги съ сознательною и опредѣленною цѣлю; а мы не только не рѣшились сорвать ихъ, но даже съ радостью надѣли ихъ и на себя, добровольно пошли на обманъ, что и было настоящею причиною нашей неудачи. Оставить эту маску на другихъ, признать ее за настоящее лицо и надѣть таковую же на себя заставилъ насъ не одинъ страхъ передъ грозными событіями, а главнымъ образомъ страхъ отступить отъ политическихъ и дипломатическихъ традицій, страхъ не нарушить европейскихъ интересовъ, сдѣлавшихся въ XIX столѣтіи столь дорогими русскому сердцу, и притомъ не одному только дипломатическому. Но именно этотъ страхъ передъ грозными событіями, передъ открытою борьбою съ Россіей, заставилъ Европу надѣть и до конца сохранять эту маску. Взглянемъ, какъ происходило дѣло.

Смуты въ Герцеговинѣ и Босніи начались, какъ извѣстно, съ подстрекательства Австріи, имѣвшихъ очевидную цѣль найти случай къ исполненію обѣщанія, даннаго Бисмаркомъ своему другу Андраши, вознаградить Австрію на Востокъ за потери, понесенныя ею на Западѣ. Первымъ шагомъ къ исполненію этого обѣщанія было заключеніе тройственнаго союза, слѣдующаго издавна извѣстному рецепту, что союзъ съ Россіей заключается всегда съ прямою цѣлью употребить ея силы для достиженія плановъ, ей не только чуждыхъ, но даже вредныхъ. Дѣло пошло. Сербія и Черногорія выступили на защиту славянъ. Въ Россіи возбудился общій народный энтузіазмъ. Можно ли сомнѣваться, что Австрія легко могла затушить начинавшій разгораться пожаръ, твердою угрозою Сербіи, недопущеніемъ въ нее русскихъ добровольцевъ, наконецъ, военнымъ занятіемъ Сербіи, если бы ничто другое не помогало?

Можно поручиться, что войны отъ этого бы не произошло, и Австріи это было очень хорошо извѣстно. Россією были сдѣланы предложенія относительно Босніи и Герцеговины. Отвѣтомъ на нихъ было и да и нѣтъ, изъ котораго однако же Россія получила увѣренность, что прямого противодѣйствія со стороны Австріи не послѣдуетъ. Болѣе всѣхъ побуждала Россію къ войнѣ, послѣ неудачи конференцій, Германія, которой очень желательно было исполнить данное Австріи обѣщаніе. Расчетъ Бисмарка былъ, вѣроятно, довольно простъ, такъ какъ для цѣлей Германіи большой сложности и не требовалось: наградить Австрію съ прямого согласія Россіи, что еще болѣе закрѣпило бы чрезвычайно выгодный для Германіи тройственный союзъ. Но расчеты Андраши были сложнѣе и тоньше. Ему желалось присоединить богатые турецкія провинціи и подчинить своему вліянію западную часть полуострова, но не желалось, по весьма понятнымъ причинамъ, получить всю эту благодать изъ рукъ Россіи. Эта послѣдняя комбинація оставлялась про запасъ, на всякій случай, какъ немогущее миновать его рукъ *ris alleg*. Поэтому, полная военная неудача Россіи не могла входить и въ австрійскіе планы, такъ же какъ и въ расчеты Германіи или, точнѣе, Бисмарка, по другимъ вышеизложеннымъ причинамъ. Поэтому, когда наши военныя неудачи начали, повидимому, угрожать неблагопріятнымъ исходомъ кампаніи, дано было разрѣшеніе перейти Дунай все медлившей румынской арміи и прекратилось сопротивленіе вмѣшательству Сербіи въ войну. Въ то время говорилось даже объ оказаніи Россіи непосредственной помощи. Всѣ эти хитросплетенія готовы были рухнуть передъ необычайнымъ зимнимъ переходомъ черезъ Балканы; но всѣ онѣ были восстановлены и получили даже новую жизненность и силу отъ незанятія нами проливовъ и заключенія прелиминарнаго мира. Конференція или конгрессъ, мысль о которыхъ была пущена Австріей, должны были устроить все дѣло сообразно ея желаніямъ: то-есть доставить ей приобрѣтеніе Босніи и Герцеговины, но не изъ рукъ Россіи, а въ видѣ европейской гарантіи противъ Россіи и Славянства. Что исполненіе этого европейскаго порученія оказалось на дѣлѣ сопряженнымъ съ трудностями и жертвами, которыя были бы избѣгнуты при союзномъ дѣйствіи съ Россіей, этого, конечно, тонкоумный Андраши не предвидѣлъ. Но въ концѣ концовъ цѣль его, на время по крайней мѣрѣ, будетъ достигнута.

Англія играла совершенно въ ту же игру. Конечно, и она могла затушить разгоравшуюся распрю, подписавъ Берлинскій меморандумъ, или содѣйствуя улаженію мира на Константинопольскихъ конференціяхъ. Но ей также хотѣлось ловить рыбу въ мутной водѣ, хотя и съ нѣсколькими иными расчетами. Видя все возрастающую уступчивость Россіи, она надѣялась, что Россія отойдетъ ни съ чѣмъ; а когда война грозила намъ неудачнымъ исходомъ, по крайней мѣрѣ, первой кампаніи, то самая военная неудача была бы ей пріятнѣе даже захвата Кипра и протектората надъ Малой Азіей, ибо лучше всего обеспечивала ея индѣйскія владѣнія, уничтожая все обаяніе русской силы на азіатцевъ. Опасности въ этой игрѣ она не предвидѣла, надѣясь, въ случаѣ надобности, всегда успѣть прійти на помощь Константинополю и проливамъ. Объ остальномъ она мало заботилась. И эти расчеты чуть-было не были посрамлены, подобно австрійскимъ, тѣмъ же неожиданнымъ и негаданнымъ зимнимъ переходомъ чередъ Балканы; но снова оправданы незанятіемъ проливовъ и прелиминарнымъ миромъ. На полную уступчивость Россіи, однако, все еще не надѣялись. Вознагражденіемъ Англіи долженъ былъ служить Кипръ, или другая какая-либо позиція въ Средиземномъ морѣ. Война казалась неизбѣжною, и графъ Дерби, основывавшій свои расчеты на взвѣшиваніи политическихъ силъ, отступилъ передъ ея рискомъ и отвѣтственностью. Австрія представлялась ему ненадежною опорой; на собственныя силы, даже съ поддержкою сипайскаго контингента, онъ также не полагался. Но, какъ я уже разъ замѣтилъ, графъ Биконсфилдъ руководствовался соображеніями совершенно иного рода. Психологическая проницательность романиста сослужила на этотъ разъ Англіи лучшую службу, чѣмъ статистико-политическія соображенія государственнаго человѣка.

Такимъ образомъ, причину войны возбудили одни изъ нашихъ европейскихъ противниковъ; другіе явною и тайною поддержкою укрѣпили сопротивленіе Турціи; они направляли ходъ войны, они же воспользовались ея плодами. Отъ начала до конца Турція была лишь орудіемъ ихъ замысловъ, маріонеткой, двигавшейся веревочками, за которыя ее дергали. Противъ кого же, слѣдовательно, мы въ сущности воевали?

Какъ же дѣйствовала Россія? Можно ли, по крайней мѣрѣ, утверждать, что Россія откровенно поддалась обману, дѣйствительно вѣрила, что воюетъ противъ Турціи? Нѣтъ, этому и она

не вѣрила; но она добровольно закрыла глаза, согласилась принять личину за живое лицо, и надѣла на себя маску. Въ этой дипломатической игрѣ дѣйствительно обманутыхъ не было, а былъ, такъ сказать, обманъ по взаимному соглашенію.

Русское чувство заставило Россію встрепенуться отъ головы до ногъ. Но она знала, что воевать съ Турціей значило воевать съ Европой, по крайней мѣрѣ съ Англіей и Австріей; а вся ея политическая и дипломатическая традиція возставала противъ такого нарушенія, принятыхъ ею на себя и восемьдесятъ лѣтъ почти безъ перерыва носимыхъ: политическаго европеизма, защиты европейскихъ интересовъ и подчиненія имъ русскихъ и славянскихъ интересовъ. Произошла драматическая комедія; борьба народнаго чувства, внутренняго, частью инстинктивнаго, частью сознательнаго пониманія своего историческаго назначенія — съ мнимымъ долгомъ, навязаннымъ пагубнымъ заблужденіемъ о нашей принадлежности къ европейской политической системѣ. Перипетіи этой внутренней борьбы извѣстны всѣмъ, слѣдившимъ за ходомъ событій. Изъ этой коллизіи Россія вывела себя дипломатическою фикціею. Переговоры, предшествовавшіе Константинопольской конференціи, сама эта конференція, въ особенности же переговоры за ней послѣдовавшіе, дипломатическія поѣздки, за кончившіяся лондонскимъ протоколомъ, — имѣли главною своею цѣлью добиться признанія этой фикціи. Фикція эта состояла въ томъ, что война противъ Турціи есть общеевропейская мѣра, — экзекуція, порученная намъ Европой, въ родѣ, напримѣръ, экзекуціонной войны, которую вела Франція противъ Испаніи, въ самый разгаръ реставраціи. Признанія этой фикціи мы собственно не добились, но, тѣмъ не менѣе, предъ войной была разслана русская нота, въ которой провозглашалось, что Россія предпринимаетъ войну для приведенія въ исполненіе безуспѣшныхъ настояній Европы. Въ то время и во время самой войны, эту фикцію можно было считать довольно невинною дипломатическою забавой, если угодно, даже ловкимъ дипломатическомъ маневромъ. Но, не смотря на грубое отрицаніе такого европейскаго признанія со стороны Англіи, мы, къ несчастію, продолжали считать его серіознымъ дѣломъ; и потому, когда наши войска стали у воротъ Константинополя и передъ роковыми проливами, мы, придерживаясь той же фикціи, рѣшили заключить не окончательный, а только прелиминарный миръ, который, какъ это прямо слѣдовало

изъ этой фикціи, подлежалъ утвержденію державъ, яко бы уполномочившихъ насъ на войну. Для обезпеченія нашего положенія было до очевидности необходимо занять проливы; но это было бы слишкомъ явнымъ противорѣчіемъ фикціи нашей европейской миссіи, ибо обезпеченіе это требовалось не противъ Турціи, но противъ самой Европы. Фикція восторжествовала надъ дѣйствительностью -- проливы остались незанятыми. О, тогда, конечно, Европа схватилась обѣими руками за данный нами ей предлогъ. Со всѣхъ сторонъ явились объявленія, что Восточный вопросъ есть вопросъ общеевропейскій, и наша фикція получила слишкомъ реальное осуществленіе въ Берлинскомъ конгрессѣ.

Не въ правѣ ли, слѣдовательно, былъ я утверждать въ 1869 еще году, что впредь война съ Турціей бесполезна и, въ сущности, невозможна, и что, напротивъ того, возможна и необходима война съ Европой? Мы закрыли себѣ глаза и увѣрили себя, что ведемъ войну только противъ Турціи, что съ Европой мы въ мирѣ и ладу; на дѣлѣ же мы вели войну противъ Европы, лишь прикрываясь дипломатическою фикціей. Но, какъ само собою разумѣется, фикція была возможна только до тѣхъ поръ, пока между нами и Европой стояла турецкая фантасмагорія; когда же призракъ разсѣялся, и настоящіе враги явились лицомъ къ лицу, намъ ничего не оставалось, какъ взглянуть дѣйствительности прямо въ глаза. Но и тутъ мы предпочли отъ нея отвернуться.

Счастливыя случайности, а еще гораздо болѣе безпримѣрная отвага, стойкость и выносливость нашихъ геройскихъ войскъ, доставили намъ положеніе непреодолимое. Мы были законодателями судебъ Востока, даже безъ борьбы съ Европой, ибо борьба была невозможна съ ея стороны. Мы захватили ее врасплохъ. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться своимъ положеніемъ, мы добровольно промѣняли его на такое, въ которомъ борьба становилось уже крайне рискованною съ нашей стороны.

Въ рѣчи, въ которой англійскій первый министръ отдавалъ парламенту отчетъ въ торжествѣ Англіи и пораженіи Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ, онъ, между прочимъ, произнесъ горделивыя слова: „Англія сказала: стой! — и Россія остановилась“. Мы не можемъ отрицать, что дѣло дѣйствительно имѣло таковой видъ, и что таковъ именно эффектъ имѣютъ или будутъ имѣть

послѣднія событія на азіатскій міръ; однако же, самъ надменный министръ очень хорошо знаетъ, что въ сущности дѣло было не такъ. Не Англія, а ошибочная политика Россіи, ея угодливость передъ Европой—сказали стой русскимъ успѣхамъ. Сама Россія вложила въ руки Англіи оружіе противъ себя; сама устроила себѣ западню, захлопнула на ней крышу; сама дала окружить свои силы со всѣхъ сторонъ врагами: двухъ-сотъ тысячною турецкою арміею, со стороны проливовъ и Константинополя; англійскимъ флотомъ, съ возможными на разныхъ пунктахъ десантами, со стороны Эгейскаго, Мраморнаго и Чернаго морей; силами Австріи съ тыла; несланными турецкими крѣпостями въ срединѣ своей позиціи,—и такимъ образомъ, поставилъ себя въ такое затруднительное положеніе, въ которомъ уступка за уступкой могли считаться горькою, но благоразумною необходимостью.

Это говоримъ мы вовсе не въ утѣшеніе оскорбленнаго народнаго самолюбія. Совершенно напротивъ. Въ нашихъ глазахъ было бы гораздо утѣшительнѣе, если бы Россія дѣйствительно отступила передъ англійскимъ: стой, а не по собственной угодливости передъ Европой, угодливости, которая засадила ее въ западню. Въ самомъ дѣлѣ, что означало бы отступление Россіи передъ угрозой Англіи? Что она взвѣсила свои силы и силы Англіи и нашла борьбу неравною, невыгодною для себя. Еслибъ этотъ расчетъ былъ вѣренъ, то уклоненіе отъ борьбы было бы съ ея стороны благоразуміемъ. Если бы расчетъ былъ ошибоченъ, то это свидѣтельствовало бы только о томъ, что силы противника были преувеличены, собственныя же силы преуменьшены; свидѣтельствовало бы о нашей нерѣшительности, трусливой осторожности, пожалуй, о нашемъ малодушіи. Но эта нерѣшительность, излишняя осторожность, малодушіе—были бы лишь явленіями временными, случайными, примѣры которыхъ повторялись не разъ въ исторіи разныхъ государствъ. Но ложная политика угодливости передъ Европой, жертвованіе ей своими интересами, приниманіе этихъ интересовъ за что-то высшее, требующее большаго вниманія и уваженія, чѣмъ наши собственные русскіе интересы; политика, которая обратилась въ систему, въ традицію, въ неискоренимый предрасудокъ, вотъ уже восемьдесятъ лѣтъ парализирующій успѣшное развитіе нашей внѣшней исторической дѣятельности,—такое явленіе несравненно опаснѣе, несравненно оскорбительнѣе, чѣмъ невѣрный политическій расчетъ, подавшій поводъ къ вре-

менному, случайному малодушію. Такая политическая система свидѣтельствуетъ не о сомнѣніи въ силахъ и средствахъ, имѣющихся въ данную минуту для достиженія предположенной цѣли, не объ ошибочной оцѣнкѣ нашего положенія въ настоящій моментъ, а о сомнѣніи въ смыслѣ, цѣли, значеніи самаго историческаго бытія Россіи, которые, какъ нѣчто несущественное, сравнительно маловажное, второстепенное, должны уступить мѣсто болѣе существенному, болѣе важному, первостепенному. Съ такими сомнѣніями въ сердцѣ исторически жить невозможно!

Упрекъ въ такомъ сомнѣніи падаетъ уже не на ту или другую, болѣе или менѣе вліятельную личность, а на извращеніе общаго народнаго сознанія, по крайней мѣрѣ тѣхъ классовъ народа, которые называются его интеллигенціею и призваны жить сознательною историческою жизнью. Гдѣ границы уступчивости, въ основаніи которой лежитъ такое сомнѣніе? Поставимъ себя на мѣсто государственнаго человѣка, заправляющаго судьбою любого иностраннаго государства. Чего не сочтетъ онъ себя въ правѣ и въ возможности требовать отъ Россіи, если облечетъ свое требованіе въ одежду общеевропейскаго интереса, что вѣдь такъ нетрудно сдѣлать? Стоить лишь наболтать всякаго вздора, въ который и самъ не вѣришь, въ родѣ сказаннаго на конгрессѣ графомъ Андраши противъ смежности границъ Сербіи и Черногоріи; или въ родѣ словъ Салисбюри о сплошномъ рядѣ славянскихъ государствъ; словъ Биконсфильда о непреерекаемости правъ султана на Балканскіе проходы; или словъ самого Бисмарка въ германскомъ рейхстагѣ, что только денежныя расчеты съ Турціей подлежатъ взаимному соглашенію воевавшихъ державъ, территориальныя же требуютъ санкціи Европы. Но, если бы со стороны Россіи даже послѣдовало сопротивленіе подчинить свои интересы чужимъ, то самая война противъ нея перестаетъ внушать опасеніе и страхъ, ибо сама побѣда въ рукахъ ея лишилась, присущей побѣдѣ, силы и дѣйствительности. Въ крайнемъ случаѣ, побѣжденному, на голову разбитому противнику стоитъ лишь апеллировать къ европейскому конгрессу; а такую, ничего не стоящую помощь болѣе или менѣе краснорѣчивыми рѣчами, за краснымъ подковообразнымъ столомъ, готовъ оказать всякій, который задумался бы передъ оказаніемъ помощи, стоящей болѣе или менѣе жертвъ.

Кому не случалось слышать разсказовъ о полунощныхъ привидѣніяхъ, сквозь которыя безвредно пролетаютъ пистолетныя

пули? Какъ-бы такимъ привидѣніемъ—только наоборотъ—является Россія. Не сквозь нее безвредно пролетаютъ вражескія пули, а размахъ ея руки становится безсильнымъ; при ударѣ ея меча, разсѣвающимъ противника, половинки его сростаются; вся грозная сила ея войска обращается въ какой-то фантомъ, ибо самые тяжелые удары, имъ наносимые, не только испѣляются ея же политикой и дипломатіей, но, какимъ-то непонятнымъ фокусомъ, отражаются на ней и заставляютъ истекать кровью ея собственное тѣло.

И такъ, не изъ страха передъ Англіей — въ сущности, даже не по ошибкѣ, отвѣтственность за которую должна бы падать на то или другое лицо, потеряли мы плоды нашихъ побѣдъ, а по гибельному политическому предразсудку, тяготящему надъ нами уже восемьдесятъ лѣтъ; предразсудку, которымъ проникнуто не только большинство нашихъ дипломатическихъ дѣятелей, но которымъ заражено большинство нашего общества, — вся та доля русскаго народа, которая носить названіе русской интеллигенціи и которая составляетъ ту среду, изъ которой выходятъ и наши дипломаты, и прочіе наши государственные и общественные дѣятели, которымъ, слѣдовательно, неоткуда набраться иныхъ политическихъ принциповъ, негдѣ проникнуться иными идеями. Не только немногіе голоса, отъ времени до времени раздававшіеся противъ нашихъ политическихъ и національныхъ заблужденій, но даже и самъ громкій и грозный голосъ такихъ событій, какъ Крымская война, были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

У насъ вошло въ обычай прославлять благодѣтельные результаты, происекшіе, будто бы, изъ неудачъ Крымской войны, приписывая ихъ вліянію реформы послѣдняго двадцатилѣтія, въ томъ числѣ даже и самое освобожденіе крестьянъ. Мы всегда считали взглядъ этотъ невѣрнымъ, и убѣждены, что, каковъ бы ни былъ исходъ Крымской войны, либеральныя реформы непременно послѣдовали бы въ наступившее тогда новое царствованіе. Защищать это воззрѣніе здѣсь не у мѣста, и мы упомянули о вліяніи Крымской войны на внутреннюю жизнь Россіи, единственно, чтобы указать, что опытъ ея въ тѣхъ сферахъ, къ которымъ онъ ближе всего относится, оказался малоудѣйствительнымъ. Интендантская часть осталась столь же неудовлетворительною, какъ и тогда; политическія воззрѣнія на наши отношенія къ Европѣ также не измѣнились.

Мы надѣялись: „что сами событія (имѣющаго вновь выступить на историческую сцену Восточнаго вопроса) заставятъ отбросить, хотя бы по неволѣ, тѣ уваженія, которыя налагаются усвоенными привычками и преданіями, къ существующимъ, освященнымъ временемъ, интересамъ, даже незаконнымъ и враждебнымъ“; но должны сознаться, что горько въ этомъ ошиблись. Уваженія, основанныя на привычкахъ и преданіяхъ, оказались сильнѣе самихъ событий. Проистекшія изъ этого—глубокое разочарованіе и горечь неудачи, вмѣсто сладости и торжества побѣды, которыя мы уже готовы были вкусить,—произведутъ ли лучшее дѣйствіе? Если бы лѣкарство оказалось дѣйствительнымъ, мы благословили бы испитую нами чашу; но надѣяться на это не смѣемъ.

Хотя сила событий разъ уже обманула наши ожиданія, мы все продолжаемъ возлагать на нихъ преимущественно наши надежды. Въ только-что выписанномъ нами мѣстѣ, излагающемъ неисполнившіяся наши надежды на цѣлебную силу событий,—одно обстоятельство, считавшееся нами условіемъ успѣха и выраженное словами: „хотя бы то было по неволѣ“, не осуществилось. Мы имѣли, къ несчастію, свободу выбора и предпочли претившей намъ дѣйствительности фикцію дружелюбнаго общаго дѣйствія рука объ руку съ Европой. Въ будущемъ, начинающемъ восходить на историческій горизонтъ, этого выбора, кажется, уже не будетъ.

Въ ряду слѣдовавшихъ другъ за другомъ, послѣ 19-го января, печальныхъ извѣстій, единственно отраднымъ было для насъ провозглашеніе Англіей протектората надъ Малою Азіей и захватъ Кипра. Не въ возбужденіи захватомъ Кипра негодованія и опасностей за будущее въ государствахъ, прилежащихъ къ Средиземному морю, видимъ мы зарю лучшаго будущаго. Мы такъ убѣждены въ коренной враждебности европейскихъ государствъ къ Россіи, что, если бы, вмѣсто Кипра, Англія захватила Сардинію и Корсику, то и этимъ не понудила бы Францію и Италію къ искреннему союзу съ Россіей, къ такому, который не только имъ помогъ бы обдѣлать свои дѣла, но содѣйствовалъ бы и Россіи въ достиженіи ея справедливыхъ и законныхъ цѣлей. Предразсудокъ окажется сильнѣе самихъ нарушенныхъ интересовъ. Во главѣ этихъ государствъ нѣтъ честолюбиваго, властолюбиваго, алчнаго Наполеона, и священные интересы Европы, то-есть интересы вражды и ненависти къ Россіи и Славянству, будутъ по прежнему стоять выше всего.

Насъ радуешь и утѣшаетъ совершенно другое; то, что нахо-

нецѣ настоящіе враги стали другъ противъ друга. Безумный, по выраженію Гладстона, поступокъ Англіи заключаетъ въ себѣ прямое и дерзкое оскорбленіе Россіи, на которое первый министръ ея могъ рѣшиться только въ полнотѣ гордыни своего торжества. На всѣ наши, перешедшія всякую мѣру, уступки и жертвы матеріальныя и нравственныя, онъ отвѣтилъ грубымъ недовѣріемъ, на которое даже не счелъ нужнымъ испросить санкціи конгресса. Послѣ этого, конечно, и мы, не нарушая постановленій конгресса, были бы въ правѣ сказать: „Если полюбовное соглашеніе, такъ полюбовное, т. е. такое, которое не можетъ существовать безъ взаимнаго довѣрія и уваженія; если же система оскорбительнаго недовѣрія, предосторожностей и камня за пазухой, то она можетъ быть только обоюдною. Англія не вѣритъ намъ; она опасается за безопасность своихъ путей въ Индію, даже самыхъ окольных; опасается нашихъ честолюбивыхъ поползновеній на азіатскія владѣнія Турціи; и мы, съ гораздо бѣльшимъ основаніемъ, также опасаемся за наше черноморское побережье и за наши закавказскія владѣнія. Мы получили Карсъ, Ардаганъ, Батумъ, какъ самое ничтожное вознагражденіе за жертвы, принесенныя для обузданія турецкихъ злодѣйствъ; Англія же присвоила себѣ Кипръ даромъ, безъ всякихъ жертвъ, единственно въ исполненіе своихъ честолюбивыхъ видовъ и въ видахъ нанесенія намъ оскорбленія, какъ точку опоры для наблюденія за нами, для противоудѣйствія нашему предполагаемому, хотя всѣми нашими дѣйствіями опровергаемому, честолюбію. У Англіи есть могущественный флотъ, — у насъ его нѣтъ на Черномъ морѣ. Она можетъ стремиться лишить насъ нашихъ закавказскихъ владѣній, можетъ, въ имѣющемъ подлечь ея вліянію армянскомъ населеніи Малой Азіи, устроить очагъ интригъ (вѣдь опасается же она нашихъ интригъ въ Афганистанѣ) для распространенія смуты между нашими армянами. Противъ всего этого мы остаемся безоружными“.

„Чтобы оградить себя отъ враждебнаго вліянія Англіи въ Константинополѣ, которое, каждую минуту, можетъ открыть ей ворота въ Черное море; чтобы предупредить замыслы, которые она можетъ имѣть противъ нашего Закавказья, мы должны были бы заявить, что мы оставляемъ за собою проходы черезъ Балканы, чтобы и съ своей стороны имѣть средства вліять на Турцію; что мы не возвращаемъ Баязета и Алашкертской долины; что мы остаемся въ Эрзерумѣ, чтобы, въ случаѣ нужды, пресѣчь ту же-

лѣзно-дорожную линію, которая должна идти вдоль долины Евфрата; что мы укрѣпимъ Батумъ. Англія объявила, что будетъ владѣть Кипромъ до тѣхъ поръ, покуда мы оставляемъ за собою то, что ей угодно называть нашими завоеваніями въ Малой Азіи; мы должны были бы объявить, что сохранимъ Балканскіе проходы, Баязетъ съ Алашкертской долиной, Эрзерумъ и батумскія укрѣпленія, до тѣхъ поръ, пока Англія не возвратитъ Кипра и не откажется отъ своей системы недовѣрія и оскорбительной подозрительности, выразившейся въ присвоеніи ею протектората надъ Малою Азіей. Если она истинный другъ Турціи—пусть докажетъ ей свою дружбу возвращеніемъ не только захваченнаго ею острова, но и всего того, что мы хотимъ оставить за собою сверхъ условленнаго по Берлинскому трактату, единственно въ видахъ предосторожности противъ интригъ и честолюбивыхъ замысловъ Англіи“.

Хотя такіа слова произнесены не были, но самый ходъ событій легко можетъ заставить насъ говорить именно этимъ языкомъ; во всякомъ случаѣ, теперь или послѣ, а дѣло поставлено такъ, что борьба между Англіей и Россіей сдѣлалась неизбежною. Уклониться отъ нея стало уже невозможнымъ. Англія дерзко вызываетъ насъ на бой, прямо и открыто, безъ всякой маски, безъ чьего либо посредства. Принятіе этого вызова есть только вопросъ времени, и такимъ образомъ, Восточный вопросъ приметъ свой настоящій видъ: борьбы Россіи и Славянства сначала противъ главнаго врага ихъ—Англіи. Весьма благопріятнымъ началомъ ея будетъ, если она возникнетъ изъ непосредственной ссоры съ Англіей изъ-за азіатскихъ дѣлъ. Этотъ окольный путь всего лучше приведетъ насъ къ нашимъ цѣлямъ: къ полному освобожденію и объединенію Славянъ и къ пріобрѣтенію проливовъ въ наше полное распоряженіе.
